

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ГЭСЭР

Народное творчество (Фольклор)

Гэсэр

«Public Domain»

1000

Народное творчество (Фольклор)

Гэсэр / Народное творчество (Фольклор) — «Public Domain»,
1000

Гэсэр — герой бурятского эпоса, небожитель, спустившийся на землю и превратившийся в человека, чтобы совершить подвиг добра. Он должен победить чудовище, угрожающее роду человеческому.

Содержание

Запев	5
Ветвь первая	6
Часть 1	6
Когда это было	6
Богатыри Западных небес	7
Богатыри Восточных небес	12
Срединное небесное царство	15
Часть 2	16
Болезнь дочери Солнца Наран-Гохон	16
Белый жаворонок исцеляет дочь Солнца	19
Хан-Хурмас отправляется на охоту	22
Хан-Хурмас посещает Срединное царство Сэгэн-Сэбдэга	27
Бой быков	31
Часть 3	36
О красоте царевны Сэсэг-Ногон	36
Богатыри Западных и Восточных небес собираются у Сэгэн-Сэбдэга	39
Поединки небожителей	43
Бухэ-Бэлигтэ отправляется в Срединное царство	50
Часть 4	56
Поражение Атай-Улана	56
Перевоплощение Атай-Улана на земле	60
На земле распространяются повальные болезни	63
Девяносто бесов хотят уничтожить людской род	66
Надзвездное собрание богатырей посылает Бухэ-Бэлигтэ на землю	70
Дочь Солнца превращается в старуху	76
Дочь Солнца становится земной матерью Гэсэра	78
Ветвь вторая	81
Часть 1	81
Второе рождение	81
Девяносто коварных бесов	85
Косоглазый лама	91
Мальчик уничтожает бесов	94
Семьдесят телят	97
Часть 2	103
Саргал испытывает своих сыновей	103
Облава на зверя	108
Встреча с царевной Тумэн-Жаргалан	112
Прибытие женихов	116
Четыре условия Баян-хана	122
ЧАСТЬ 3	130
Царевна Урмай-Гохон	130
Как Сопливец-Нюсата стал Абай-Гэсэром	138
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Гэсэр

Запев

Тридцать стрел из колчанов
Извлечем и покажем.
Тридцать славилось ханов —
Об отважном расскажем.
Двадцать было ларцов,
Где хранили мы стрелы.
Двадцать было борцов,
А один – самый смелый!
Мы позвать не забыли
Старцев, живших до нас.
Стародавние были
Мы расскажем сейчас.
Как созвездия юга.
Пусть не гаснет рассказ,—
Только слезы у друга
Пусть прольются из глаз.
Будем петь до мгновенья,
Что рассвет нам принес,
Будем петь до забвенья,
До восторга и слез.
Будем петь, чтоб соседи
У окошка столпились,
Чтоб на нашей беседе
Люди в песню влюбились!
У священного дерева
Девять длинных ветвей.
Вот сказанье Гэсэрово —
Тоже девять ветвей.
Ствол у дерева серый,
Свечи в желтой листве,
А в стихах о Гэсэре —
Битва в каждой главе.

А-э-э! А-э-э!

Нам за ястребом в тучах
Почему б не погнаться?
Родословной могучих
Почему б не заняться?

А-э-у! А-э-у!

Перевод Семёна Липкина.

Ветвь первая История людских судеб

Часть 1

Когда это было

Это было, когда начало
Изначальное рассветало;
Загоралось первое зарево,
Созидалось первое марево;
Не всходила еще трава,
Не звучали еще слова
В первый раз поведанной былью,
И была еще легкой пылью
Наша твердая мать-земля,
А могущественная змея
Безобидным была червяком,
Грязной глины жалким комком,
А Сумбэр-гора – бугорком;
Великанша-рыба тогда
Незаметным была мальком;
Океан, что бушует кругом,
Что волшебным богат молоком,
Был ничтожной лужей тогда;
Бурных рек не шумела вода.

Это было, когда сандал
Благовоньем не обладал,
А пятнистая самка марала
Чистой нетелью пребывала;
Пребывало в недвижимой мгле
Все, что ныне растет на земле;
Исполинская лебедь была,
Словно слабый галчонок, мала;
Были грозные скакуны
Только что на свет рождены;
Не имелось в те времена
Ни обычных, ни ханских дорог;
Не гремела еще война;
Ни восточный, ни западный бог
Не знавали еще вражды;
Боевые свои ряды
Небожители не созывали,

А воители не воевали.

Это было до наших лет,
Сказ не сделался делом живым,
И от серого черный цвет
Был в ту пору неотличим;
Не была еще борода
Эсэге-Малана седа,
И была еще в те года
Мать Эхэ-Юрен молода;
Мощью смелою Хан-Хурмас
Небеса еще не потряс.

Это было еще до тех пор,
Как предание стало сказкою,
Как вступили в суровый спор
Краска белая с черной краскою.
Мир не знал, что на свете есть
Вековечные ссора и месть,
Не был злобным еще великан,
Небожитель Атай-Улан.
Не кружились в круженье живом
Небеса с Белым Швом, с Белым Швом.
Не кипели еще день за днем
Небеса с Белым Дном, с Белым Дном;
На страницах времен, где блестело
Все, что ныне открылось для глаз,
Исполнялось заветное дело,
Совершался поведанный сказ...

Богатыри Западных небес

Был на Западе Хан-Хурмас,
В богатырской красе боевой,
Над властителями главой:
Над пятьюдесятью пятью
Небожителями главой.
Как родился он в горнем краю,
С ним играл, веселясь и шутя,
Поднимал к подбородку дитя,
Убаюкивал и качал
И воспитывал-поучал,
Чтоб могучим рос мальчуган,
Тот отец Эсэге-Малан,
Что владыкой был девяти
Запредельных небесных стран.
Сотворил он светлую твердь,

Сотворил он и жизнь и смерть
Запредельных семи держав.

О Хурмасае начнем, сказав:
С первых дней обмывала его,
Дорогим называла его,
У груди согревала его,
Пеленала, растила его,
Чтоб возвысилась сила его,
Магушка Эхэ-Юрен,
Что была началом тепла,
Что опорой вечной была
Тысячи белых небес.

Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Утвердившая волю свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться,
Небожителей госпожа,
Бабушка Манзан-Гурмэ
Восседала, в руке держа
Чашу разума и добра,
Сотворенную из серебра.

Хан-Хурмас был войска главой.
С жизнью жизнь, голова с головой
С ним сроднилась Гэрэ-Сэсэн,
Разостлавшая войлок-потник,
Даровавшая света родник,
Наставлявшая сыновей,
Воспитавшая дочерей,
Не скрывавшая ясного облика,
А служило ей зеркалом облако!

Хан-Хурмас был счастливым отцом
Трех здоровых сынов-силачей,
Чернобровых трех дочерей,
Был главой тридцати и трех
Многомошных богатырей,
И трех братьев – земных царей,
И трех сотен знатных вождей,
И трех тысяч ратных людей.

Старший сын его, белый сын,
Знаменитый и смелый сын,
Обитал на вершине горной.
Был, как ястреб, конь его сер,
Был быстрее, чем ветер черный.
Богатырь Заса-Мэргэн

Много сделал хороших дел,
Много дел дурных разглядел,
Разгонял он тьму и туман,
Побеждал он зло и обман.

Средний сын его, красный сын,
Обитал на одной из вершин,
Где прозрачные облака.
Был он крепкий и сильный воин,
С шеей толстой, как у быка,
Был он телом упруг и строен,—
Мощноруких, широкоплечих,
Не страшился в сраженьях-сечах
Богатырь Бухэ-Бэлигтэ!

Младший сын его, третий сын,
Обитал среди горных теснин,
Обладал бездонным умом,
Обладал соловым конем.
Он, как беркут, на подвиг летел,—
Для великих рожденный дел,
Богатырь Хабата-Герэл.

Белоцветная старшая дочь
Всем стремилась в державе помочь.
Воскрешала она мертвецов,
Вдохновляла она храбрецов,
Исцеляла она больных,
Вразумляла она дурных,
Одаряла бедных людей,
В силачей превращала детей
И в могучих коней – жеребят.
Об Эржэн-Гохон говорят:
Для мужчин – блаженством была,
Среди жен – совершенством была!

Красноцветная средняя дочь,
Красоты своей власть утверждая,
Чувства чувствующих возбуждая,
Думы думающих пробуждая,—
Всех чистейших из всех сторон
Превзошла своей чистотою,
Целомудренной, молодою,
Дочь владыки Дуран-Гохон.

А последняя, младшая, дочь
С колыбельных дней, с первых дней
Всех прилежней была и умней,
Работящая, с доброй улыбкой

И с походкой плавной и гибкой.
Белый цвет в чистоте берегла,
И ягнят берегла без числа,
И старалась, чтоб зелень росла,
Молодая Сэбэл-Гохон.

Чтобы дальше вести рассказ,
Мы на землю взглянем сейчас.
Там трех братьев Хурмаса найдем,
Трех властителей в мире земном.
Был из младших старшим – Саргал.
Книгу белых указов держал.
Белолиц и белоголов,
Он скакал на белом коне,
Обитал он в Белой Стране,
Где дороги – белей облаков.

Средний брат жил в стране Сурагта,
Где неведома доброта,
Где дороги полны черноты,
Словно черные облака,
Где указы полны клеветы,
Словно сердце клеветника.
Обладал он черным конем
И душой с черно-мутным дном,
А на дне – и злость и обман.
Имя хана – Хара-Зутан.

С чистой, честной душой властелин,
Третий брат жил в стране Тэгэшин,
Где дороги издалека
Голубели, как облака.
Сэнгэлен был славен повсюду.
Конь его был равен верблюду.
Книга синих указов его
Почиталась, подобно чуду.

А среди тридцати и трех
Небожителей-богатырей
Всех важнее и всех смелей
Был могучий Буйдан-Улан.
Был отцом его – Холод-Буран.
Грудь его была широка,
А спина – спина смельчака.
Был он мощным и сильноруким,
Обладал он упругим луком,
В тучах тающею стрелой.
У него был скакун-иноходец,
Что меж небом летел и землей.

А второй из тех силачей
Был грозой для коварных мечей.
Был грозой для громил и задир,
Изумлял он отвагою мир.
То – Бургы-Шумар, чей отец —
Белоликий Заян-мудрец.
Был он с делом битвы знаком,
Был он самым метким стрелком.
Рядом с красной зарей, в вышине,
Над простором земных дорог,
Он скакал на гнедом коне,
Что от выстойки был тонконог.

Третий воин – строг и суров,
Третий воин – страх для врагов.
То был с крепкой костью стрелок,
То был с меткой злостью стрелок,
Чья стрела, как звезда, быстра.
Он скалу превращал в песок,
И, как пыль, рассыпалась гора,
Если гору толкал он ногой.
Был у воина конь лихой,
Масть коня – как сама заря.
Этот воин – Эржен-Шумар,
Сын Ойдбла-богатыря.

А четвертый был крепок станом,
Назывался Бэге-Буйланом.
Трепетали пред ним враги.
Был он отпрыском Бударги,
Исполина белых небес.
Все дробил он, что грязно и серо,
Все измерил, чему есть мера,
Взвесил все, что имеет вес.
Возвышаясь, подобно скале,
И сражаясь на правом крыле,
Он и левое видел крыло.
Сокрушал он подлость и зло.

Пятый, песнями знаменитый,
Был от всякой беды защитой,
Был броней от всякой опасности.
Столько в песнях его было властности,
Что, когда он пел, вдалеке
Закипала вода в реке.
Так был звучен его напев,
Так богаты мыслью слова,
Что на голом камне трава

Разрасталась, зазеленев.
Доставлял он много услад.
Получал он много наград —
Богатырь Нэхур-Нэмшэн.

А шестой – совсем молодой
Богатырь, пятнадцати лет —
Был покрыт железной броней,
Был в кольчугу и панцирь одет.
Были мышцы его сильны.
Он, как вихрь, летел на просторе —
Обладатель могучей спины
И груди широкой, как море.
А его богатырский лук
Был изделием Бухары.
Были желтые стрелы остры.
Золотым был его колчан.
Этот воин, Эрхэ-Манзан,
Был хозяином друга-коня
Цвета крови и цвета огня.

Было тридцать и три удалыца:
Если речь мы начнем о них,
Никогда не дойдем до конца.
Рассказали о шестерых,
Не забудем и остальных:
Девять сильных стояли у горна,
Девять было лихих кузнецов,
Девять молотом били упорно,
А всего – двадцать семь храбрецов.

Богатыри Восточных небес

На востоке, в заоблачной шири,
Тоже были богатыри,
Повелители и цари.
Было сорок их и четыре.
Возглавлял их Атай-Улан...
Чтобы крепким рос мальчуган,
С ним играл, веселясь и шутя,
Поднимал к подбородку дитя,
На коленях его держал,
Поучал, на бой снаряжал
Тот отец Абарга-Саган,
Что верховных владыкою был
Запредельных тринадцати стран,
Что явился на свет, когда

Зарождались месть и вражда.

С первых дней для сына была
Родником любви и тепла
Матушка Хара-Манзан,
Та, что мальчика согревала,
Пеленала и обмывала.
Было сладким объятье ее,
Щегольским было платье ее,
С тонкой кисточкой шапка была,
А сама круглолицей была,
Госпожой, царицей была!

С ним составив семью и племя,
С ним слила на вечное время
Сердце, душу свою и уста
Та, чья дума была чиста,
Мать могучих трех сыновей,
Наилучших трех дочерей,
Госпожа Гунгэр-Сэсэн.

Был Атай-Улан удальцом,
Был он трех сыновей отцом.
Трех красивых имел дочерей.
Возглавлял он богатырей,
Чье число – шестьдесят и шесть,
Ремесло – смертный бой и месть.
Возглавлял Атай-Улан
И шесть сотен знатных вождей,
И шесть тысяч ратных людей.

Старший сын его – белый сын.
С ним сравниться не мог ни один
Из господ небесной страны.
Оценить его? Нет цены!
Были мышцы его сильны,
В три обхвата широкая грудь.
Беломастным владел он конем,
Белизною сверкал его путь.
Говорили всюду о нем:
Славный воин Саган-Хасар
Не осилит его верховод,
Не догонит его скороход!

Средний сын, красноцветный сын,
Был превыше горных вершин,
А глаза его были как сталь,
Подчинялись им близь и даль,
Был глубокий ум у него,

Подчинялось ему колдовство.
По багровой скакал стороне
На пятнисто-буланом коне
Красноцветный Шара-Хасар.

Самый младший, последний сын
С крепкой костью был исполин,
С шеей толстой, как у быка.
Мощь его была велика.
Только в черное был он одет,
Признавал только черный цвет,
Только в серый цвет проникал,
А скакун его черноногий
По одной лишь дороге скакал —
По туманной, черной дороге.
Вот каков был Хара-Хасар!

Всюду славилась старшая дочь
Как великая мастерица.
Круглолица была, белолица!
Девять – с воротом – одеяний
Вышивала из шелковой ткани,
Что была, как ладонь, мала,
Вышивала из шелковой ткани,
Что не больше пальца была,
Двадцать – с воротом – одеяний.
И художеством и мастерством
Всех затмила в мире живом
Та царевна Алтан-Хурабша.

На ладонях нежных своих
Десять хитрых волшебств держа,
И на кончиках пальцев своих
Двадцать мудростей тонких держа,
Прославлялась и госпожа,
Повелителя средняя дочь.
Так была собой хороша
Та царевна Мунган-Хурабша,
Что причиной раздоров была,
Что предметом споров была
Для небесных богатырей.

Всех считалась умней и добрей
Повелителя младшая дочь,
Чья походка плавной была.
Ослепляла она зеркала,
Та царевна Уен-Сэсэн!
И скромна была, и мила,
В небольшом она доме жила,

Но зато обладала большой,
Как безбрежное море, душой.

Срединное небесное царство

На небесном своде высоком
Между Западом и Востоком,
Меж могучими посередине,
В голубой, счастливой долине
Жил почтенный Сэгэн-Сэбдэг.
Отвергал он Запада власть,
Не желал пред Востоком пасть.

Он травой, скотом был богат,
На Сэсэн-Уган был женат.
Жил народ его благодатно:
В день питался он троекратно,
Наслаждался у всех на виду
Троекратным счастьем в году.
В незабвенное это время
Утверждаться начало племя
Белых западных небожителей.
В это время на небе восточном
Становилось мощным и прочным
Государство черных воителей.
У Сэсэн-Уган в это время
Округлялось желанное бремя:
Между двух враждебных сторон
Родилась у Сэгэн-Сэбдэга
Дочь-царевна Сэсэг-Ногон.
Над владением Серединным
Каждый стать желал господином:
Хан-Хурмас и Атай-Улан,
Властелины небесных стран,
Силу пробовали свою,
Но пока еще не в бою:
Ханы спорили десять лет —
Шел обман за коварством вслед,
Ханы спорили двадцать лет —
Вслед за хитростью шел навет.
Ханы трижды прошли вокруг
Мироздания нового, юного
И четвертый проделали круг
От простора земного до лунного.

Часть 2

Болезнь дочери Солнца Наран-Гохон

В эти дни у Наран-Дулана,
У противника мглы и тумана,
В доме Солнца-богатыря,
Побеждавшего черную ночь,
Вырастала сама заря,
Вырастала красавица дочь.

А в руках у Атай-Улана
Двадцать два было страшных дурмана
И двенадцать волшебных сил.
Эти силы он в дело пустил,
И, рожденная Солнцем царевна,
Стала чахнуть Наран-Гохон,
Стала кашлять она каждодневно...
Дочь три года уже больна,—
Нет у Солнца-отца лекарства,
Нет спасенья от колдуна
Из Восточного государства!

...В стародавнем рукописанье
Изначальных, первых времен
Было грозное предсказанье:
Коль погибнет Наран-Гохон,
То восточные сорок четыре
Небожителя власть свою
Утвердят в заоблачном мире
Над пятьюдесятью пятью
Храбрецами Западной части —
И не будет конца этой власти.

Храбрецы – пятьдесят и пять —
Стали девушку врачевать,
Но старанья были впустую —
Не смогли исцелить больную.
Не умея царевну спасти,
Не найдя к исцеленью пути,
Пятьдесят и пять лекарей —
Небожителей-богатырей —
Обратились к той, что была
Их верховною госпожой,
Обладавшей мудрой душой,
Чашей разума и добра,

Сотворенной из серебра,—
К бабушке Манзан-Гурмэ.

Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Утвердившая волю свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться,
Бабушка Манзан-Гурмэ
Заглянула в книгу священную.
То, что нужно, найдя сперва,
Охватила мыслью вселенную
И такие сказала слова:

«На северо-западе
Верхних небес,
Где солнца рассветного
Блещет навес,
Где никто не видал очага,
Вьется жаворонок Азарга.
На груди – древних букв серебро,
Тонко вывело буквы перо,
И сверкает на солнце спина —
Золотые на ней письмена.
Если поймана будет птица,
Сразу девушка исцелится:
Приложите к спине спиной,
И к груди – другой стороной, —
Возвратите здоровье больной!»

Восседа, сказала сказ
И, привстав, отдала приказ
Бабушка Манзан-Гурмэ,
Чтоб явился к ней в тот же час
Без других храбрецов, один,
Богатырь, чей отец – Хурмас,
Средний сын его, красный сын,
Удалец Бухэ-Бэлигтэ.
И старуха богатыря
Похвалила за послушанье
И поведала предсказанье,
Слово истины говоря:

«Коль погибнет Наран-Гохон,
То погаснет, зайдет заря.
Над пятьюдесятью пятью
Храбрецами в Западной шири
Станут властвовать сорок четыре
Властелина Восточных небес.
Если ж выздоровеет царевна

И возрадуется душевно,
То заря будет ярко сиять.
Храбрецы – пятьдесят и пять,—
Исполины Западной части,
Обретут желанное счастье.
Надо Солнцем рожденную дочь
Исцелить – и низвергнуть ночь,
Чтоб избавить нас от напасти.
Наступил испытанья час.
Воин, выслушай мой наказ.

На северо-западе
Верхних небес,
Где солнца рассветного
Блещет навес,
Вьется тот, кто спасет от врага:
Белый жаворонок Азарга.
На груди – древних букв серебро,
Тонко вывело буквы перо,
И сверкает на солнце спина —
Золотые на ней письма.
Если поймана будет птица,
То Наран-Гохон исцелится,
Но должна быть птица живой.
Ты ее не срази стрелой,
Целься в жаворонка умело,
Постарайся, чтобы в глазки
Наконечника птица влетела,
А когда совершишь это дело,
Мы приложим к царевне больной
Эту птицу – к спине спиной,
И к груди – другой стороной.
Только так, при этом условии,
Возвратится к царевне здоровье».

Поучала среднего внука
Бабка мудрая и седая,
И нелегкой была наука.
Удивляясь, недоумевая,
Вопросил Бухэ-Бэлигтэ:

«Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Утвердившая волю свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться!
Я, охотясь, по небу мчался,
Обошел и леса и луга,
Но ни разу не повстречался
С белым жаворонком Азарга.

Где находится эта птица?
Где летает и где гнездится?»
И от бабки он слышит наказ:
«У отца спроси, говорит,
Пусть ответит тебе Хурмас».

Средний сын, красноцветный воин,
Словом бабки своей расстроен,
Задаёт Хурмасу вопрос.
Тот подумал и произнес:
«В молодые, смелые годы
И позднее, в зрелые годы,
Эту птицу встречал я порою —
Там, где ночь расстается с зарею,
На северо-западе Верхних небес,
Где солнца рассветного
Блещет навес,
Белый жаворонок трепетал.
Я серебряные читал
На груди его письмена,
Мне сверкала его спина —
Золотые на ней письмена.
Вместе с ним трепетал я, читая,
Открывалась мне то золотая,
То серебряная страница.
Но исчезла с тех пор эта птица,
Не встречал я ее нигде...»

Средний сын, Бухэ-Бэлигтэ,
В путь-дорогу решил отправиться,
Птицу жаворонка поймать,
Чтобы вылечилась красавица.
Он достал свой лук и колчан,
Поскакал, сквозь рассветный туман,
На отцовском гнедом коне
К неизведанной стороне.

Белый жаворонок исцеляет дочь Солнца

Конь Бэлыгэн, скакун удалой,
Между небом летел и землей,
Там, где дали густеют и меркнут,
То как белка мелькал, то как беркут.
Вдруг замедлил он бег торопливый,
Будто сразу почувял усталость:
Там, где с ночью заря расставалась,
Где дрожали ее переливы,

На северо-западе Верхних небес,
Где солнца рассветного
Блещет навес,
Белый жаворонок трепетал,
Трепетал-напевал, взлетая,
Наизусть две страницы читая:
На спине у него – золотая
И серебряная – на груди.
Погляди, богатырь, погляди,
Эта птица не просто ловится:
То былинкой она становится,
То, в пылинку величиной,
В синеве пропадает сквозной.
Но ее изловить готовится
Сын Хурмаса, Бухэ-Бэлигтэ.

Богатырь, свой стан наклоня,
На развилке дорог небесных
Останавливает коня.
Он у предков помощи просит:
Вызывая сверканье огня,
Он заклятие произносит
Над хангайской черной стрелой.
Вызывая тяжелый дым,
Над ее опереньем густым
Причитание произносит:
Пусть, пернатая, счастье приносит,
Пусть стрела как следует прянет,
Но чудесную птицу не ранит,
Чтоб живым трепетанием тело
Трепетало, чтобы в глазки
Наконечника птица влетела!

Принялся богатырь за дело.
Он пустил из лука стрелу.
Поднялась стрела, засвистела,
И пронзила она облака.
«У стрелы быстрота – от стрелка,
У коня – от его седока».
Так подумал он, выжидая...
Засвистела стрела Хангая,
Возвратилась назад стрела
И, охотника радуя смелого,
В наконечнике принесла
Птицу – жаворонка белого,
Невредимого и целого!

Сын Хурмаса, Бухэ-Бэлигтэ,
Средний сын, что был краснолик,

Утверждает: «Я цели достиг!»
Воскликает: «Сделано дело!»
На отцовском гнедом коне
До родного домчался предела.
Вот и коновязь золотая.
Вот и бабка Манзан-Гурмэ
Возвышается, восседая,
С чашей разума и добра,
Сотворенной из серебра,—
Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Утвердившая волю свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться!
Богатырь пред ней предстает,
Молча бабке своей подает
Птицу – жаворонка белого,
Невредимого и целого!

Бабушка Манзан-Гурмэ,
За старанье благодаря,
Похвалила богатыря.

А затем от недуга-врага
Белым жаворонком Азарга
Начала царевну лечить.
С дивной птицей, дарующей милость,
Над Наран-Гохон наклонилась,
Приложила к спине спиной,
И к груди – другой стороной.
Белый жаворонок Азарга
Исцеленье приносит больной,
Будто всасывает в себя
Яд болезни ее затяжной.
Перестала кашлять царевна,
Поправляется каждодневно:
День за днем и за ночью ночь
Крепнет Солнца юная дочь,
А болезнь убирается прочь!

И седая Манзан-Гурмэ
Весела всей великой душой,
Рада радостью самой большой,
Птицу – жаворонка Азарга,
Благодарная, осветила
Долговечным своим молоком
И на волю, ввысь отпустила,
И увидели все кругом,
Что царевна юная снова
Весела, красива, здорова,

Что на Западном небе опять
Храбрецы – пятьдесят и пять —
Стали радостно жить-поживать,
А воители неба Востока
Стали западным издалёка
Битвой-мestью грозить-угрожать.

Хан-Хурмас отправляется на охоту

Дальше сказывается сказ.
Произнес как-то слово Хурмас,
Повелитель богатырей:
«Что мне мясо баранье и бычье?
Мне другой захотелось добычи —
Поохочусь на диких зверей.
Погляжу на стада-табуны,
На людей мне подвластной страны,
Погляжу на свою державу,
А потом, говорит, на славу
Я устрою охоту-облаву».

Хан-Хурмас произнес это слово,
Стал коня снаряжать гнедого.
Возвышался Бэлыгэн, как гора.
Как у зайца, уши остры.
Недоуздок из серебра,
И блестит серебро узды.
Принялся богатырь за труды.
Он повел коня по камням,
Чтоб копыта стали тверды,
Он по льду повел скакуна,
Чтобы круглыми стали копыта,
А потом с утра дотемна
Стал поить его черной водой,
На равнине его стреножил,
Чтобы ястребом взвился гнедой,
На вершине его стреножил,
Стал кормить прошлогодней травой,
Чтобы конь свою мощь умножил,
Чтоб как сокол парил боевой!

У коня из бархата холка,
А потник – из лучшего шелка.
Скакуна седлают седлом,
И сверкает оно серебром,
И нагрудник из серебра,
И нахвостник из серебра.

Перетянута туго-туго,
За подпругой видна подпруга,
Крепкий повод, красивый, тугой,
За седельной закинут лукой,
За седельной подушкой – плеть,
Хороша ее рукоять...
На таком бы коне сидеть,
На таком бы коне скакать!

Скакуна, что дышал привольем,
Хан-Хурмас к серебряным кольям,
К светлой коновязи привязал,
Посмотрел на него и сказал:
«Он готов для охоты вполне —
Приготовиться надо и мне!».

Облачил он в сорочку тело,
А холстина, как снег, блестела,
Из парчи он рубаху надел,
На одежды свои поглядел
И отменные выбрал штаны,
Из лосиной сшитые кожи,—
Словно печень, они черны,
И на замшу они похожи.
А потом сапоги натянул,
Что из рыбьей сделаны кожи,—
Черной юфти она дороже.
А потом на плечи надел
Из парчи накидку-дэгэл —
Богатырское облаченье.
Только пальцем большим шевельнул
И все семьдесят медных застежек
Сразу пальцем одним застегнул!
Он потом свой стан затянул
Кушаком извитым, прославленным,
Серебром и золотом оправленным.
Он кольчугу надел и щит —
Ничего их не устрашит:
Ни равнин дожди многодневные,
Ни дружин вожди многодневные!

Он соболью шапку надел,
Что казалась огромной копной,
Кисть была словно холм травяной
И дрожала от ветра дорог.
Нацепил он на правый бок
Закаленный булатный меч,
Сотворенный для ратных встреч:
Он на восемьдесят шагов

Удлинялся при виде врагов
Иль сжимался на восемь шагов,
И при этом он был таков:
Острие – хитрей колдуна,
На ребре видны письмена.
Он привесил налучник стальной
Шириною в простор степной,
Нацепил он колчан, шириной
Равный узкой долине речной.
Он упрятал в налучник свой
Желтоцветный лук боевой
С крепкой шелковой тетивой,
С завитками из козьих рогов
И опасный для грозных врагов.
«Все готово, – подумал Хурмас, —
В путь-дорогу пора в добрый час».

Он выходит на двор, величавый
Повелитель небесной державы.
Открывает хангайскую дверь
Из чистейшего перламутра,
Без соринки, светлый, как утро,
Позади оставляет порог —
Белоснежный мрамор Хангая,
И по лестнице из серебра,
Ни ступеньки не пропуская,
Он спускается со двора.
А попробовали б спуститься
Жеребенок и кобылица!
А пошли бы за смельчаком
Кобылица да с лончаком!

Подошел он к серебряным кольям,
Где стоял на привязи конь,
Наслаждаясь небесным раздольем.
Хан-Хурмас погладил гнедого,
Приласкал коня удалого.
Взял он повод в левую руку,
Взял он плетку в правую руку,
Быстро ноги вдел в стремяна,
На гнедого вскочил скакуна
И уселся крепко в седло
Из якутского серебра,
Возвышаясь, точно гора.
Круг проделал он, повторяя
Светлый солнечный круговорот,
И, как вихрь, помчался вперед —
Только пыль взметнулась густая,
Только шапки высокая кисть

Трепетала нитями алыми,
Развевалась над серыми скалами.

Путь Хурмаса давно ли начат,
Долго ль, коротко ль едет-скачет,
А до северной стороны,
Где паслись стада-табуны,
Доскакал властелин страны.
Оказался несметным скот,
Лошадям был потерян счет,
И китаец белобородый
Охранял овец и коней
Наилучшей, ценной породы.

Поздоровался с ним Хурмас,
И, насколько хватал его глаз,
Он увидел стада-табуны:
Овцы тучны, а кони сильны,
Не убавились овцы в числе,
Не убавились кони в числе,
Стало больше их, стали крупней.
И решил небожитель Хурмас:
«Напою овец и коней».
И к великой реке тогда,
Где черна, кипуча вода,
Он погнал табуны-стада.
То покрикивал криком тонким,
То покрикивал криком звонким,
То покрикивал громко, в голос,
И от криков степь раскололась
Под ягненком и жеребенком!

Он пригнал бесчисленный скот
К необъятной черной реке.
Стадо, вырвавшееся вперед,
Жадно воду чистую пьет,
А стоящее вдалеке
Лижет камни, тонет в песке.

Хан-Хурмас поскакал на юг.
Сколько пастбищ было вокруг,
Сколько было коров и быков
На зеленом просторе лугов!
Охранителем этих стад
Был китаец черноголовый,
И при нем быки и коровы
Приумножились: их число
С каждым днем росло и росло!

Говорит глава смельчаков:
«Напою коров и быков!»
И к реке он погнал стада,
Где желта и обширна вода.
То скрипучий крик издавая,
То могучий крик издавая,
То склоняясь к коню, то вставая,
Он пригнал бесчисленный скот
К необъятной желтой реке.
Стадо, вырвавшееся вперед,
Жадно воду чистую пьет,
А стоящее вдалеке
Лижет камни, тонет в песке.

Вот, оставив стада-табуны,
Хан-Хурмас поскакал то степью
Непомерной длины-ширины,
То сухой недотрогой-пустыней,
То крутой дорогой нагорной.
До тайги доскакал он синей,
До тайги он добрался черной.
Только тех промышлял зверей,
Кто побольше был, пожирней,
Малых, тощих он отпускал.
Долго он по тайге скакал,
Он и соболя изловил,
И стрелюю сразил бобра,
Что белее был серебра.

На коня он навьючил добычу.
Навострил свои уши гнедой
И, внимая походному кличу,
Из тайги помчался домой.
Если тихо всадник скакал,
Замедляя бег скакуна,
Пыль вздымалась, мутна и черна.
Если с шумом всадник скакал,
Убыстряя бег скакуна,
То под ним сотрясался дол
И взлетали тяжелые комья,
Что размером были с котел.

Прискакал стрелок и храбрец,
Прискакал Хурмас во дворец.
Возле коновязи своей
Придержал он коня гнедого.
Сбросил влево одних зверей,
Сбросил вправо других зверей,
А потом сказал свое слово:

«Чтобы шубы сшить, отберите
Тех, которые попышнее,
Чтоб людей накормить, сварите
Тех, которые повкуснее!»

Вот хозяйка Гэрэ-Сэсэн
В богатырском небесном чертоге
Попросила мужа присесть
За широкий стол восьминогий,
Пригласила попить-поесть,
Насладиться отменной едой,
Что на скатерти золотой
Стали ставить пред ним повара,
А на скатерти из серебра
Тоже было немало пищи!
Небожитель, поев, достает
Из похожего на голенище,
Из кисета на правом боку
Горсть легчайшего табаку,
И табак он бросает в трубку,
Что размером с детскую шубку,
Высекает кресалом искры,
А кресало – что крупный лось.
И как только пламя зажглось,
Закурив, стал сосать он трубку,
Поднимал он шум, как вулкан,
Стлался горький дым, как туман.

Хан-Хурмас посещает Срединное царство Сэгэн-Сэбдэга

Так подумал властитель страны:
«Осмотрел я стада-табуны,
Я устроил охоту-облаву,
На коня я сяду опять,
Погляжу на свою державу».
Он отправился к северным жителям
Своего небесного края.
Прибыл в гости, милость являя,
Подошел к старикам предводителям.

Словно старший, одних приветствовал,
Словно младший, других приветствовал.
Тем, кто спрашивал, он отвечивал,
А потом он и сам расспрашивал,
Он учтивостью разукрашивал
Благосклонную, умную речь,—
И сердечней не было встреч.

«Здесь, на Севере, ваш народ
Лучше прежнего ныне живет,
Он теперь богат и велик»,—
Так сказал ему главный старик.
Вот, внимая напутствиям дружным,
Хан-Хурмас повернул коня,
И, отраду в душе храня,
Он отправился к подданным южным.

Долгим был его путь иль коротким,
А Хурмасу был он знаком.
Как с ровесником-одногодком,
С главным встретился стариком.
Вот подходят учтиво друг к другу,
Подают они правую руку,
Жаждают в сердце дружбу сберечь.
У обоих – честная речь,
И правдив у обоих язык.
Так поведал главный старик:
«Здесь, на Юге, ваш добрый народ
Лучше прежнего ныне живет,
Стал сильнее во много раз».

И возрадовался Хурмас,
Возвратиться решил назад,
Но внезапно он бросил взгляд
На дворец, что виднелся в тумане,
В дымке-мареве утренней рани.
А владел им Сэгэн-Сэбдэг,
Тот, кто горя не знал вовек,
В голубой проживая долине,
Меж могучими посередине,
Между Западом и Востоком,
Тот, кто жил на небе высоком,
Отвергая Востока власть,
Не желая пред Западом пасть,
У кого было много стад,
Чей народ, красив и богат,
Беззаботно жил, благодатно,
В день питался он троекратно,
Наслаждался у всех на виду
Троекратным счастьем в году.

Хан-Хурмас на синий дворец
Посмотрел своим взглядом острым,
И решенье воитель-мудрец
Принял в сердце своем черно-пестром,
В богатырском сердце своем:
Повстречаться пора с царем,

С благородным Сэгэн-Сэбдэгом,
Что приветлив был и умен,
И проведать Сэсэг-Ногон.

Конь гнедой под всадником взвился.
Тот помчался небесной тропой
И, замедлив, остановился
Возле коновязи золотой,
На приколе коня поставил
И шаги во дворец направил.
Вот поднялся он по богатым,
По сереброцветным ступеням —
По таким бы взбегать с нетерпеньем
Кобылицам и жеребяткам!

Он дошел до ворот дворца,
Он взбежал к серебру крыльца,
Ни ступеньки не пропуская.
Подошла б дорога такая
Кобылице и лончаку!
Дверь – сокровище из Хангая —
Уступила путь смельчаку.
Ни соринки не оставляя
На пороге, белом как снег,
Входит гость во дворец расписной,
А навстречу – Сэгэн-Сэбдэг
С благородной своей женой,
И приветствуют гостя учтиво,
С уваженьем и красноречиво.

На почетное место справа
Приглашают богатыря,
Чья грозна, обширна держава:
«Вы садитесь повыше нас!»
И садится могучий Хурмас.
Было крепким рукопожатье,
Было радостным их занятье,—
Восемь дней продолжался пир.
Разливались во время встречи
И вино, и умные речи,—
Девять дней продолжался пир.
На десятые сутки веселий
Оба гостя отяжелели
И дышали уже с трудом,
Угощаясь едой и питьем.
Говорят: «Надо знать и честь —
Столько можно ли пить и есть?»

На прощанье Хурмас к Сэбдэгу

Обратился с речью такой:
«Подчинись мне по доброй воле,
Стань мне преданным, верным слугой,
На своем оставаясь престоле».

Но к Сэбдэгу Атай-Улан
Обратился с речью другою:
«Стань отныне моим слугою,
Ты отринь пятьдесят и пять
Небожителей Западной части,
Ты пойми: чтоб найти свое счастье,
Ты мое обязан признать —
Властелина Востока – господство
И моих сорока четырех
Небожителей превосходство!»

Так ответил Сэбдэг владыкам,
Двум небесным царям великим:
«Я не знаю, кому подчиниться,—
Пусть на это ответит страница
Из священной Книги Судеб.
Прочитав, узнайте: по праву
Кто получит мою державу?»

Ищут, желтую книгу листая,
Ищут, вещие строки читая,
Два верховных царя небес,—
Оказалось, что книга святая
Отказала им наотрез:
«Никакая не вправе рать
У Сэбдэга страну отобрать!»

Но Хурмасу-богатырю
Так была та страна желанна,
Что упрашивать стал он Улана:
«Ты послушай, что я говорю.
Нам с тобою спорить негоже,
Я постарше, ты помоложе,—
Уступи мне эту долину!»

Хоть восточному властелину
Не понравилась просьба такая,
Уступил он Хурмасу все же,
С ханом ссориться не желая:
Тот постарше, он помоложе —
И Хурмаса в гости позвал.
Десять дней у него пировал,
И вино вкушая и счастье,
Повелитель Западной части.

Говорит довольный Хурмас
Властелину Восточной страны:
«Я к себе приглашаю вас
На десятые сутки луны».
И, простясь, на гнедом коне
Поскакал к родной стороне.

Бой быков

Было радостным возвращенье,
Но, забыв о своем приглашенье,
За собою не зная вины,
На десятые сутки луны
Тестя вздумал Хурмас навестить —
И отправился погостить.

Но в назначенный прибыл срок
Тот, кому подчинялся Восток,—
Небожитель Атай-Улан.
Вот пред ним высокий чертог
На небесном воздвигся просторе,
Но ворота все на запоре,
Не дымятся холодные трубы...

Рассердился Атай-Улан,
Заскрипели белые зубы,
Встали дыбом белые волосы
На горячей его голове,
Он пошел – и глубокие полосы
Протянулись в высокой траве,
И дворец, где не встретил дружбы,
Обошел он тринадцать раз,
Обошел постройки и службы
Он тринадцать и десять раз,
Закричал и – страхом объятых —
Пятьдесят кочевий потряс,
Будто десять сотен сохатых
На лесистых вскрикнули скатах,
Будто подняли громкоголосье,
Испугавшись, лосихи и лоси!

Он приехал к властителю в гости,
Ожидая высокой чести,
А уехал он полный злости,
А уехал он полный мести.
Прискакал он к Сэгэн-Сэбдэгу
И с коня ему крикнул: «Ты – мой,

А не то не дожить мне до старости!»
И, дыша тяжело от ярости,
Возвратился к себе домой.

Возвратился к себе домой
И Хурмас от отца жены,
Позабыв, что позвал он гостя
На десятые сутки луны.
Вышла к мужу Гэрэ-Сэсэн
И, с обидою на супруга,
Проронила, дрожа от испуга:
«Здесь один из твоих побывал,
Тот, кого ты в гости позвал,
Но, тебя не застав, рассердился,
Твой дворец прокляв, удалился,
Обойдя его много раз».

«Пригласил я Атай-Улана, —
Сразу вспомнил седой Хурмас,—
Он и прибыл в назначенный час,
Без меня приехал сюда —
Небольшая это беда!»

Хан-Хурмас отправил к Сэбдэгу
Трех надежных, быстрых послов,
Чтобы пять поведали слов:
«Ты под властью моей отныне».

Но послы в голубой долине,
Между двух держав посредине,
Носом к носу столкнулись неожиданно
С храбрецами Атай-Улана,
Три посла против трех послов!
Два посольства тогда поссорились,
И одна сторона и другая
Пред хозяином опозорились,
Грубой бранью друг друга ругая,
И прогнал их Сэгэн-Сэбдэг:
«Я ничьим не буду вовек!»

Хоть и вызвали в нем недовольство,—
Возвращались к нему троекратно
Двух небесных владык посольства
И ни с чем уходили обратно.
Поспешили к своим дворам
По небесным светлым просторам,
Доложили двоим царям,
Что прогнал их Сэбдэг с позором.

В это время в стране Сэбдэга
Повстречались быки двух владык:
Хан-Хурмаса могучий бык
С темно-синей пятнистой шкурой,
И второй – бугай красно-бурый,
Мощный пороз Атай-Улана.

Два быка – два врага.
Чьи острее рога?
«Бык, скажи, не робей:
Ты ль сильнее и храбрей?»
Рев раздался еще раз.
«Ты ль сильнее, бурый пороз?»
Выйдя издалека,
Сходятся два быка.

Два быка, два царя,
Будто в бой не решаются,
Исподлобья смотря,
Тихо, грозно сближаются.
Сначала коснулись
Друг друга боками,
Друг с другом столкнулись
Большими рогами, —
Дрожа, всколыхнулись
Холмы под быками,
И вихри взметнулись
У них под ногами!

Длится бой восемь дней.
Кто смелей? Кто сильнее?
Девять дней длится бой,
Полный злобы тупой.
Забелел день десятый —
Ослабел староватый,
Головою поник
Синий – с пятнами – бык.
Рыхлым сделалось тело,
В жилах кровь загустела.
Постепенно слабея,
Начала гнуться шея,
Как лоза, как лоза,
И, недвижно темнея,
Потускнели глаза.

С ревом бык пестро-синий
Убежал от врага.
Он топтал в котловине
И леса и луга.

Он бежал сквозь кочевья,
Он бежал сквозь тайгу,
Вырывая деревья
И кусты на бегу.
И тропа распоролась
Под бегущим быком,
А неистовый пороз
Гнался вслед за врагом.

Два противника разъярены
И не могут остановиться...
Вот и Западной стороны
Перед ними рубеж-граница.
Здесь увидел обоих быков
Хан-Хурмас, глава смельчаков.
Стал он пороза бить булавой,
И отпрянул горячий бык
С красно-бурюю головой:
Повернул красно-бурый бок,
Побежал назад, на Восток.

За быком Хан-Хурмас помчался,
Вот Сэбдэга страна за курганом,—
Там воитель с Атай-Уланом
Неожиданно повстречался.
До поры столкнувшись, до времени
Носом к носу и стремя к стремени,
Друг на друга два божества,
От полднего часа до темени,
Стали бранные сыпать слова.
Так ругались они, что трава
Тех ругательств не вынесла бремени,
Так ругались они, что сухие
Дерева рассеклись пополам,
Так ругались они, что сырые
Дерева стали падать к ногам.
Перепуталась полночь с рассветом,
Перепутались небыль и быль,
И над миром, в туман одетым,
Поднялась пугливая пыль.

Гром гремел голосами раската,
Вспыхнув, сразу же гасла зарница,
От козы отбились козлята,
И птенцов потеряла птица.
Поостыли два главаря,
Перестали ругаться-браниться
Два небесных верховных царя.
И, поставив коней на приколе,

Где береза белая в поле
Упиралась в сверканье зари,
Сели, ноги скрестив, цари,
Сели друг против друга спокойно,
Разговаривать стали достойно.

Много дней прошло в разговоре,—
До тех пор, что вспенилось море,
До тех пор говорили слова,
Что на голом камне трава
Неожиданно зазеленела,—
А никак не сделают дела,
А никак не свершат раздела
Голубой Срединной страны.
Наконец пойти порешили
Непреложным путем войны
И назначили день похода:
Через год и еще полгода.
Тот, кому суждена победа,
Завладеет страной соседа.

Часть 3

О красоте царевны Сэсэг-Ногон

Благородный Сэгэн-Сэбдэг,
Что владел Срединной страной,
Со своей почтенной женой
Так воспитывали царевну:
На нее, как на солнце, смотрели,
Самым теплым теплом колыбели
Согревали Сэсэг-Ногон,
На руках царевну качали,
К подбородку ее подняв,
На коленях ее держали,
Охраняли, чтобы печали
И тревоги над ней не повеяли,
Так растили ее, так лелеяли,
Чтобы к ней не пристала грязь,
Чтобы пыль над ней не взвилась,
Что при конском вздымается топоте,
Чтоб не выпачкалась она
Ни в грязи, ни в песке, ни в копоти...
Есть у нас поговорка одна:
«С колыбели отважен мальчонок,
А девчонка красива с пеленок».
Как царевне исполнился год,
Начала розоветь, как восход,
И румянцем живым наливаться;
Как второй исполнился год,
Начала лепетать-смеяться;
Как ей семь исполнилось лет,
Расцвела, как весенний цвет,
Стала звонко петь-заливаться;
Как ей восемь исполнилось лет,
Стала в пляске плыть-изгибаться;
Как ей стало десять без малости,
Позабыла детские шалости,
За хозяйством стала приглядывать,
Ко всему свои руки прикладывать,
Золотой разгораясь зарею,
Молодой наслаждаясь порою.

Ей работа казалась забавой:
Указательный палец правый
Подружился-сроднился с наперстком,
С левым глазом сдружилась иголка.

Из кусочка тонкого шелка,—
Ткань была, как ладонь, мала,—
Десять шила она одеяний,
А из тонкой шелковой ткани,
Что не больше пальца была,
Двадцать шила она одеяний —
Для сражений, для славных деяний.

Стала радость дочь доставлять
И Сэсэн-Уган и Сэбдэгу.
Говорили отец и мать,
Что рука к их рукам прибавилась,
Что нога к их ногам прибавилась,
Что помощница-дочь прославилась
И в хозяйстве и в рукоделье,
Что пышнее трава закудрявилась,
Что настало в их доме веселье...

Как чудесный цветок весенний
Средь обычных цветов и растений,
Вырастала Сэсэг-Ногон.
Как подснежник перед весной,
Озаренная новизною,
Расцветала Сэсэг-Ногон.
Расцветала и вырастала,
Несравненной девушкой стала.

Вот идет она и садится,
И движенья так величавы,
Что не могут с нею сравниться
Наливающиеся травы.
Вот встает она и ложится,
И как будто издали слышится,
Что, желая с ней подружиться,
На лужайке трава колышется.

Вот походкою совершенной
По тропе идет-изгибается
И почти тропы не касается,
И тринадцать красок вселенной,
Золотой и благословенной,
Изумляясь, переливаются.
Побежит – и душистая зелень,
Разноцветье долин и расселин,
Мир подлунный, что беспределен,
Заволнуется, заулыбается.

Светом правой щеки просияв,
Затмевает сиянье небесных,

Мощных Западных стран-держав.
Светом левой щеки просияв,
Затмевает сиянье небесных,
Неоглядных Восточных держав.
На сверкающий взглянешь лик —
И рассвета увидишь двойник.
Ты посмотришь на круглую шею —
В восхищенье придешь перед нею,
Скажешь: новый месяц возник.
Ты посмотришь на лоб высокий,
На ее румяные щеки,
На ресницы дивной длины,
На глаза, что черным-черны,
И на косы, что в три обхвата,
И воскликнешь: она – божество,
Что для нашего мира всего
Навсегда драгоценно и свято!
Нет, воскликнешь, она – изваянье,
Излучающее сиянье!
Нет, – горит она белой звездой
Над вселенною молодой!
Нет, – луны и солнца прелестней,
Эта девушка сделалась песней,
И разносится песня широко
По небесным державам Востока,
А для Западных стран и племен
Стала счастьем Сэсэг-Ногон,
Им сияющим издалёка!

Совершенного вида и нрава,
Стала девушка всюду известной,
Как волна, разлилась ее слава
По сверкающей выси небесной,
Над горами и над полями
Загорелась она, как пламя,
Как волшебная песнь, полетела
И земного достигла предела.

Много тысяч небесных бурханов,
От ее красоты поглупев,
Превратились в задир и буянов.
Много тысяч отважных воителей,
Небожителей-повелителей,
Именитых и знатных сыны,
Были вестью возбуждены:
Всех манил их цветок волшебный,
Все друг другу стали враждебны.
Приходил за бурханом бурхан
Из небесных Западных стран,

Шли, красавицу возжелав,
Удальцы из Восточных держав.
Приходили небесные жители —
Их с почетом встречали родители.
Были здесь удалые стрелки
И несметных дружин предводители.
Истомились одни от тоски,
А другие, как дураки,
Сердцу-разуму вопреки
Собирались в кучи и кучки,
В нетерпенье тряслись, как в трясушке.

Богатыри Западных и Восточных небес собираются у Сэгэн-Сэбдэга

И Сэсэн-Уган, и Сэбдэг,
Из веков выбрав лучший век,
Постигая годов череду,
Самый лучший выбрали год,
Самый лучший месяц в году,
На великое пиршество-сход
Пригласили богатырей,
Населявших небесный свод, —
И стрелков, и их главарей:

Были здесь именитые боги,
Что владели дождем и огнем,
И такие, что, духом убоги,
Одурманены были вином,
Что курили до одурения
И шатались от злого курения.
Но совсем рассудок утратили
Многих княжеств завоеватели,
Про свое забыли главенство
И величье своих племен —
Лишь увидели совершенство
Непорочной Сэсэг-Ногон!

Устоять не могут на месте
Воевавшие ради мести,
Усидеть не могут на месте
Побеждавшие ради чести.
Поднимаются сотни желаний
В сердце каждого храбреца,
Закаленные в пламени брани,
Сладострастьем кипят сердца.
Сразу головы всем вскружила,

Всех царевна приворожила,—
И воителей-смельчаков,
У которых широкие плечи,
И прославленных, метких стрелков,
Несравненных в военной сече,
Храбрецов, наделенных величьем,
С толстой шеей и горлом бычьим,
С крепким луком и крепким телом,
С твердой дланью и взглядом смелым,
С крепкой, словно крепость, спиной,
С грудью, что в океан шириной,
С богатырской одеждой-броней,
С боевой кольчугой стальной,
С черноцветной хангайской стрелой,
С серебряными колчанами,
С воронными конями, с буланями,
С неустанными и бодрыми,
С потниками, шелком тканными,
С изогнутыми седлами,
С мечами, что ладно кованы, —
И, царевною очарованы,
То встают они, то садятся,
И в наряде своем боевом,
Похваляются и гордятся
Богатырством и удальством.

Обитатели неба – сыны
Белой, Западной, стороны —
Собрались как единая рать,
Чтобы правую руку поймать,
Чтобы верное слово сказать.
А Восточного неба сыны
Собрались, для борьбы сплочены,
Чтобы левую руку поймать,
Чтобы верное слово сказать.
Возвышаясь, подобно твердыне,
Словно стрелы, бросают слова,
Задирают носы в гордыне
И засучивают рукава.

Восседая у очага,
Грозно взглядывается Хурмас:
Он выискивает врага,
Не спуская с витязей глаз.
Влажным взглядом всех обводя,
Здесь толпятся владыки дождя,
Потрясают халатов подолами,
Что полны облаками тяжелыми,
Что полны туманами-ливнями,

Затяжными и непрерывными.

Средь гостей радушного дома
Три стрелка, три властителя грома,
Держат, в жажде вражеской крови,
Стрелы-молнии наготове.
То кричат они, то хохочут,
И все прочие небеса
В дрожь бросает, едва прогрехочут
Их сердитые голоса.

Ищут места в доме чужом
Небеса с Белым Швом, с Белым Швом,
Что белеет, как молоко,
И вступают взволнованно в дом
Небеса с Белым Дном, с Белым Дном,
Распростершимся широко.
Честный воин, ликом угрюмый,
Проницателен и суров,
Замышляя новые думы,
Входит в дом повелитель ветров.
Белоликий Заян-мудрец,
Запредельной жизни творец,
Ничьему не подвластный велению,
Знаменитый своею ленью,
С опозданием летит во дворец.
Небожитель каштановокудрий,
Быстрый разумом, сердцем мудрый,
Сотворивший коров-лошадей,
Со своим старшим сыном белым,
Молодцом могучим и смелым,
Входят в гушу небесных вождей.

Богатырь, чье лицо вечно молодо,
Белоснежный властитель холода,
С опозданием дойдя до ворот,
Пробирается все же вперед,
Всех отталкивая плечом:
Сан иль возраст – ему нипочем!

В той толпе оказавшись тесной,
Самый белый витязь небесный
Порешил: «Где моя родня,
Там и место есть для меня».
И нашел он широкостанного,
Что всех ближе ему и родней;
Этот бог с головою каштановой
Сотворил и быков и коней.
Вот и взяли друг друга под руки,

Сообщают друг другу новости,
А кругом не смолкают отроки,
Старцы смотрят взором суровости.

Разлились толпою широко
Многомощные богатыри
Черноцветных небес Востока.
Там, вперяя глаза свои острые,
Их белки поворачивал пестрые
Завидуший Атай-Улан.
С небесами подвластными вместе
Он обдумывал дело мести,
В ход пуская хитрость, обман.
Черным шумом шумел черноликий
Богатырь, в чьих руках – туман,
А в свирепых глазах – мрак великий.

За спиною Атай-Улана —
Мглистых дымов и тьмы владыки.
Полный яда и полный дурмана,
В пляс пустился безумный и дикий
Небожитель Черное Марево.
А за ним – цвета красного варева —
Зашумели, враждою горя,
Три кровавых богатыря,
Забряцали доспехами ратными.
А за ними – серое с пятнами
Небо, ненавистью дыша,
Думу думая темную, злую,
Подступило, на битву спеша,
К властелину Улану вплотную.
А за ним – небосвод, полный злобы,
Желтый с пятнами, низколобий,
С черным словом и хитрым взглядом,
Стал с жестоким Уланом рядом.

Три Ветра – три светлых воина,
Чья сила порывом утроена,
Противники дыма и тьмы,
Кричат: «Нам еще неизвестно,
На чьей стороне бьемся мы,
Но биться мы будем совместно!»

Три Неба – три юных конника,
Три веющих тихо шелоника,
Что по Западу реют и Югу,
Быстро на ухо шепчут друг другу:
«Надо прочных друзей нам найти»,
И приплясывают на пути.

Грязно-серые, с сердцем нечистым,
Клопоча, кипя и дымясь,
Подползают к серо-пятнистым,
Доказав с ними давнюю связь.
«У ствола – тень одна, говорят,
Вместе с братом кочует брат!»

Небеса, что темны и туманны,
Что известны везде, как шаманы,
Приседая, приплясывая
И присловья разбрасывая,
Всё глядят, но не прямо, а вбок,
То на Запад, а то на Восток.
Увидав небосвод с Белым Дном,
Закричали: «Брат-побратим,
Мы всегда за тобою пойдём,
Воевать мы с тобой не хотим!»
И, уверенны с виду и пылки,
Но почесывая затылки,
Стали тихо ползти-подползать,
Обнимать и ласкать-лобызать
Небосвод с Белым Дном, с Белым Дном,
Что и ночью белеет и днем!

Говорили гордо сыны
Белой, Западной, стороны:
«Вместе с нами – правда святая.
Мы пойдём по дороге войны,
Справедливость и честь утверждая!»

И Восточные небеса
Поднимали свои голоса:
«Для мечей у нас пояса!
Мы пройдем сквозь огонь и дым,
Справедливость и честь утвердим!»

Поединки небожителей

Вот Заса-Мэргэн белоликий,
Старший сын Хурмаса-владыки,
Порешил подтвердить в бою
Золотую клятву свою,
Правоту своих слов подтвердить —
И для этого победить!
Наполнять он стал до предела
Грозной мощью сильное тело

И напряг, как орлиные крылья,
Богатырские сухожилья.
Приосанясь, он вышел вперед,—
Если глянешь, так страх берет!
Раздвигал он богов толпу,
Пробивал он себе тропу.
Старший отпрыск Атай-Улана,
Белоцветный Саган-Хасар,
Тоже вышел в одежде бранной,
Чтоб врагу нанести удар.

Гневом гневаясь и клокоча,
Как мехи, раздувал он грудь,
Чтоб противника силой плеча
Одолеть и к ногам пригнуть.
Непоборная твердость меча
Утвердилась в костях силача.
Волоса поднялись в беспорядке,
В предвкушении жаркой схватки
Жаждой мести насытился взгляд,
Стало слышно, как зубы скрипят.

Эти двое – витязей цвет
И всегда восседают справа,
Потому что громких побед
Им досталась военная слава.
Эти двое уже не раз
В знак победы пускались в пляс.
У обоих – стрелы парящие
И бухарские желтые луки,
У обоих – копыа разящие
И железные, круглые руки,
У обоих – сотни наград...
«Будет схватка! – все говорят. —
Будем смелых судить без пристрастья!...»
И, на две разделившись части,
Для борьбы расширяют круг.

Чтобы силу и крепость рук
Двух отважных борцов увидеть,
Чтобы ловкость и храбрость двух
Удальцов-гордецов увидеть,
Чтобы меткость, проворство двух,
Чтобы единоборство двух
Смельчаков-храбрецов увидеть,
Поединка жаждущих грозного,—
Из чертога светлого, звездного
Плавно вышла навстречу взглядам
Восхищенных враждебных сторон,

Красоту приукрасив нарядом,
Молодая Сэсэг-Ногон.

Небожители Западной части,
Подчиняясь девичьей власти,
Пробиваться стали вперед,
И сыны другой стороны,
Очарованы, ослеплены,
Пробивают в толпе проход.
Перепутались стороны обе,

Позабыв на мгновенье о злобе.

Словно скалы, в бой снаряженные,
Иль утесы вооруженные,
Словно горной страны вершины,
Возвышались те исполины.
У могучих – широкие груди,
У бесстрашных – упругие спины,
У проворных – сабли булатные
И колчаны в богатой оправе,
Луки витязей необъятные
С окаемом соперничать вправе.
Каждый витязь небесного края
Возбужден, восхищен, потрясен,
И толкается каждый, желая
Посмотреть на Сэсэг-Ногон.

Безупречна, как изваяние,
Перед ними предстала тогда
Излучающая сияние
Целомудренная звезда,
А глаза у нее – озерная
И таинственная вода,
И черны, как черемуха черная,—
Нет в тайге вкуснее плода,
А ресницы ее точно молнии,
Благодатного пламени полные.
По спине с затылка высокого
Косы шелковым льются потоком.
Так, причиной спора жестокого
Между Западом и Востоком —
Перед всеми предстала царевна,
Та, чья прелесть везде славословится,
И воители шумно и гневно
К состязанию стали готовиться.
Сильный, смелый Заса-Мэргэн,
Мощнотелый Саган-Хасар,
Чтобы право свое утвердить,

Чтобы сердце свое усладить,
Чтоб добыть победу себе,
Состязаться стали в борьбе.
Волей воинской вооружаясь,
То за твердь, то за прах держась,
По движению солнца кружась,
Как изюбры, землю взрывают,
Точно коршуны, в небо взмывают,
То дерутся, как лоси рогатые,
То как соколы реют пернатые.
Этот – недруга в прах поверг,
Тот взметнул противника вверх,
Но не падают с вышины —
У обоих силы равны,
Поднимаются из глубины,
Пуще прежнего разъярены.
Из-за той богатырской ссоры
Облака дождем пролились,
Сотряслись тяжелые горы,
Зазвенела просторная высь.

Для воителя Западной части,
Удалого Заса-Мэргэна,
В этой схватке – восторг и счастье:
Хочет он победить непременно.
Словно ястреб – сильные крылья,
Он напряг свои сухожилия,
Он Саган-Хасара схватил,
Он под мышкой его скрутил,
Побежал и на всем бегу
Он о Западную тайгу
Храбреца-великана ударил,
Поражение нанес врагу,
Повернув на Восток, о тайгу
Сына хана Улана ударил,
Вверх подбросил и наземь сбросил.
Тот сначала обезголосел,
А потом, как стрела, засвистел,
Словно камень, вниз полетел
И на землю, средь выжженных скал,
С распростертого неба упал.

Он упал в голодном краю,
В позабытом, безводном краю,
Где неведомы ловля, охота,
Где урочище Хонин-Хото
Словно вывернуто наизнанку,
Где гуляют ветра спозаранку,
Где земля и суха и бестравна,

Где бессолнечна жизнь и бесславна.
Оказался Саган-Хасар
На земле, где пыль и пески,
Старшим ханом Желтой реки.
Так вступил он в земной предел,
Принял имя Саган-Гэрэл.

Громко радовался Заса:
«Гляньте, Западные небеса!
Одолел я могучего воина,
Ныне сердце мое успокоено!»
Он, красуясь, пустился в пляс,
Небывалой победой хвалясь.

Сын Улана, Шара-Хасар,
Средний сын, силач красноликий,
В сердце гнев почуял великий.
Встали волосы, зубы скрипят —
Отомщен будет старший брат!
Небожителей слышатся крики,
Сотни тысяч богов собралось,
Но прошел он толпу насквозь,
Подскочил, как рогатый лось,
Наскочил на Заса-Мэргэна.

Долго длилась эта борьба.
То взлетали, как ястреба,
То, как волки, грызли друг друга.
Началась в морях крутоверть,
Застонала, как бы от испуга,
Распростертая синяя твердь.
И была до самого дна
Вся вселенная потрясена.

У Заса-Мэргэна, у воина,
Битвы жаждущего всегда,
От борьбы отвага утроена,
А Шара-Хасару – беда:
Ослабели сердце и тело,
И сама душа ослабела.
Вот-вот сломится толстая шея,
Бычье горло вот-вот оторвется,
И согнется спина, и, тускнея,
Жалкий разум заснет – не проснется,
Восемь ребер станут как крошево
У воителя, на небе росшего!

Несравненный в деле войны,
Воин Западной стороны

По-лосиному вскинул рога,
По-орлиному взмыл на врага.
Он за пятки возьмет – не устанет,
За колени возьмет – и потянет!
А восточный витязь Шара,
Возвышавшийся, как гора,
Извивается, как былинка,
Изгибается, как тростинка.
То скрипит, словно ветвь сухая,
То без смысла глядит, затихая.

Небожитель Заса-Мэргэн
Исполина берет в обхват
Так, что кости врага хрустят,
И бросает Шара-Хасара,
Чье лицо краснее пожара,
На седьмое дно мироздания,
Эту месть задумав заранее.

И Шара полетел, словно искра,
Словно пыль, он понесся быстро,
С распростертого неба упал
И среди голых и острых скал
На земле начал жизнь свою
В позабытом, безлюдном краю,
Словно вывернутом наизнанку.
Наконец он нашел стоянку
На урочище Хонин-Хото,
Где кочкарники да болота,
Где шумит река водопадами,
Гулко бьется с тремя преградами,
Где промчатся трудно стреле.
Стал Шара-Хасар на земле
Средним ханом Желтой реки.
Три преграды он одолел,
Принял имя Шара-Гэрэл.

Увидав, что старшие братья,
В бой вступившие без понятия,
Превратились в недвижимые вьюки,
Как попали противнику в руки,
Младший отпрыск Атай-Улана, —
Так воскликнул Хара-Хасар:
«Я приму на себя удар,
Ибо должен его принять я:
Ведь надеялись старшие братья
На меньшого, на милого братца,
Что как следует буду я драться,
Что для братьев я стременем стану,

Их опорой со временем стану».

Так сказав, налетел мгновенно
Богатырь на Заса-Мэргэна.
Словно волк, что жаждет добычи,
Словно бык, напрягаясь по-бычьи
И приплясывая, как марал,
На врага Заса заорал.
Тучи севера, южные тучи
На ходу он сбивал, могучий,
Опрокидывал на ходу
Облаков тяжелых гряды,
Он туманы бил по бокам,
Поднимая пыль к облакам.

От орлиц отбились орлята,
И от коз отбились козлята,
Хамниганы ' в таежной глуши
Потеряли свои шалаши,
И, покинув юрту, монгол
Своего жилья не нашел —
Потерял посреди равнины!

Вот-вот хрустнут упругие спины,
Вот-вот сломятся толстые шеи,
Но становится тверже, сильнее
И ловчее Заса-Мэргэн.
Мощь и воля его не истратятся!
То он за ноги ловко ухватится,
То как дернет врага за пятки!
А Хара-Хасар в этой схватке
Оказался слабее врага:
То одна, то другая нога
Над клубящимся прахом взметнулись,
Восемь ребер его изогнулись
И уже – ни жива ни мертва —
Горько свесилась голова,
И, как плети, повисли руки —
Испытал он тяжкие муки.

А Заса-Мэргэн, небожитель
И свершитель многих побед,
Вдруг противника опрокинул
И за старшими братьями вслед
Вверх ногами его низринул
На седьмое дно мироздания,
И в земной, неизведанный прах,
Где рожденья и смерти свидания,
С головой погрузился враг.

Так Хара-Хасар оказался
В том бестравном, бесплодном краю,
В том бесславном, голодном краю,
Где неведомы ловля, охота,—
На урочище Хонин-Хото,
Где навыворот все живое,
Где безлюдие ветровое,
Где река ниспадает с отрога,
Через три пробиваясь порога,
Где не знают прохлады дневной,
Где засушливый, душный зной,
Где пространство поникло во мгле.
Стал Хара-Хасар на земле
Младшим ханом Желтой реки.
Он высокой горой завладел,
Принял имя Хара-Гэрэл.

Из небесных краев три пришельца,
Шарагольские три владельца,
Повелители Желтой реки,
Обратив свои думы к насилью,
Обладая желтой пылью,
Обладая черным туманом,
Стали трем тэгэшинским ханам
Ядовитой злобой вредить,
Чтоб господство свое утвердить.

Бухэ-Бэлигтэ отправляется в Срединное царство

Так подумал Заса-Мэргэн:
«Знаменитого силача
Победил я силой плеча».
И к царевне Сэсэг-Ногон,
Целомудренной и прекрасной,
Нежным сердцем ее покорен,
Одержимый любовью страстной,
Он проталкивается вперед
И за правую руку берет,
Говорит ей правдивое слово
И за левую руку берет,
Говорит ей счастливое слово.

Ратоборцы блуждают вокруг,
А иные – толпятся кучами,
Перепутались недруг и друг,
Маломощные боги с могучими,

И нигде не найдут себе места,
И шумят они грозно и гневно,
Потому что должна, как невеста,
Дом родной покинуть царевна.

И едва лишь Заса-Мэргэн,
Небожитель Западной части,
Обретя мечтанье свое,
Ловко на руки поднял ее,
Чтоб делить с ней горе и счастье, —
Все бурханы, что прибыли в гости,
Заскрипели зубами от злости.

И, себя позабыв, небожители
Заблудились в небесной обители.
Все, что было черным, – сгустилось,
Все, что было белым, – скатилось,
Все, что было серым, – закуталось,
Все, что было синим, – запуталось.

Разгорелись у витязей страсти,
Собираются биться жестоко
Небожители Западной части
С небожителями Востока.

В это время Атай-Улан
Прискакал на буланом коне.
Мысли мечутся, точно в огне,
Словно конь, полосатыми стали:
«Задушевными сватами стали
Я и славный Сэгэн-Сэбдэг,
Породниться решили навек, —
Двадцать лет прошло с той поры!
Десять лет прошло с той поры,
Как мы головы соединили
Двух детей, не спросясь никого,
Как торжественно мы вступили
С многочтимым ханом в родство.
Для детей в этот памятный миг
Расстелил я постель-потник.
Сын Хурмаса Заса-Мэргэн
Отнял право мое святое,
Чтобы день торжества померк.
Он законы попрал и низверг
Установленные устои!

Если стал конем жеребенок —
Должен всаднику покориться,
Если воином стал ребенок —

Должен старшему подчиниться.
Шуба шьется с воротником,
Младший следует за стариком.
О небесные и поднебесные
Храбрецы, повсюду известные!
Охраняйте Сэсэг-Ногон,
Да не будет нарушен закон!»

От навета и злобы лжеца
Закипели бурханов сердца.
«Верно, верно!» – кричат в ответ
Сотни тысяч бурханов Востока,
А противники: «Это навет,
Мы расправимся с вами жестоко!»

Богатырские голоса
Заставляют дрожать небеса,
Достигают земной глубины,
Где их отзвуки в недрах слышны.
Со враждой и гневом великим
Встретил хана Улана Хурмас,
Закричал – и могучим криком
Небожителей он потряс.
Говорит, повествует сказ,
Что была его речь такова:

«Вы послушайте наши слова.
Обещали отец и мать
Несравненной Сэсэг-Ногон
Эту девушку в жены отдать
Сыну старшему моему.
Я других речей не приму.
Честно, правильно слово мое,
А слова Улана – вранье!»

Боги Западной стороны
Закричали, возбуждены:
«Разве мудрому Хан-Хурмасу
Возражения слово найдешь?
Превосходному мягкому мясу
Разве надобен острый нож?»

Двух сторон богатырский спор,
Разгоревшийся с давних пор,
Закипел, ядовитый, вновь,
Заиграла горячая кровь.
На средину собрания вышел,
Чтобы каждый его услышал,
И сказал почтенный Сэбдэг:

«Не бывало такого вовек,
Чтобы я обещал Улану, —
Мол, ему я родичем стану,
И ни десять, ни двадцать лет
Не могло миновать с тех пор,
Ибо выдумка – сей договор.
К вам, собравшимся на совет
Небожителям и бурханам,
Как могу я выйти с обманом?
С Хан-Хурмасом мы тоже не сваты.
Вы запомните наперед:
Будет пойман тот, кто соврет,
И от вора не ждите платы!»

На высоком собрании-встрече
Услыхав эти твердые речи,
Что исполнены были достоинства,
Рассердились небесные воинства.
Мысли черные, громко бахвалясь,
Скопом хлынули, клопоча.
Закипели, заволновались
Мысли серые сгоряча.
Облаченное в синеву,
Загрещало небо по шву,
Задрожали земные просторы,
Содрогнулись долины и горы.
Все, что было черным, – сгустилось,
Все, что было белым, – надвинулось,
Синецветное запропастилось,
Сероцветное опрокинулось!

Разошелся воитель Хурмас,
Разойдясь, он пустился в пляс,
Ищет битвы с достойным борцом,
А широкая грудь – колесом.
Небожитель Атай-Улан,
Темной яростью обуян,
Тоже вышел, вступая в спор:
Он противнику даст отпор!

Повествует старинный сказ:
Богатырь, чей отец – Хурмас,
Тот Бухэ-Бэлигтэ красноликий,
У которого разум великий,
Понял в этот тревожный час:
Будет биться его отец,
Раздосадованный вконец,
С ненавистным Атай-Уланом...

Пожелал он – и стало багряным
Солнце утра, напевное солнце.
Пожелал – и одел синевой
Молодое, полдневное солнце,
И в костер превратил живой
Он вечернее, гневное солнце.

Как настало полночное время,
Сунул ногу в походное стремя,
К двум отправился станам спорящим,
Что стояли великим сборищем.
Отправляясь в далекий путь,
Он сначала решил заглянуть
К седовласой Манзан-Гурмэ.
С благодатной чашей добра,
Сотворенной из серебра,
Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Утвердившая волю свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться, —
Бабушка Манзан-Гурмэ,
Слово ласки ему говоря,
Посадила богатыря
У огня и спросила внука:
«Мой бесценный стрелок из лука,
Видно, в дальний ты едешь путь?
Пусть он будет счастлив и светел!»
Ей Бухэ-Бэлигтэ ответил,
Восседающий у огня:
«Я Бэлыгэна, гнедого коня,
Порешил испытать копыта».

Развернула Манзан-Гурмэ,
Чтоб изведать то, что сокрыто,
Стародавнюю Книгу Времен
И узнала, ее читая,
Что душа и дыханье Атая
Притаились в пальце большом,
В пальце правой его ноги,
Чтобы их не сгубили враги.

Распростился с бабушкой внук,
И копыт послышался стук,—
Богатырь на гнедом коне
Поскакал к Срединной стране.
С расстояния в три пробега
Он увидел в чужой стороне
Государство Сэгэн-Сэбдэга.
Он увидел издалека,

С расстояния в три пробега,
В небе тающий, как облака
Светозарный дворец Сэбдэга.
Въехал всадник отважный в ворота,
Спрыгнул около поворота,
Там, где коновязь серебрилась.
Привязал он к ней скакуна
И пошел, и пред ним открылась
И своих и чужих сторона.

Часть 4

Поражение Атай-Улана

Хан-Хурмас и Атай-Улан,
Властелины небесных стран,
Порешили бойцов собрать
И померяться силой военной,
Чтобы та и другая рать
На просторах столкнулись вселенной.
Собирает Атай-Улан
На войну, на крепкую месть
Смельчаков шестьдесят и шесть,
И шесть сотен знатных вождей,
И шесть тысяч ратных людей,
Небожителей сорок четыре,
Знаменитых в заоблачном мире.
Все вокруг него сплочены,
Заслужили его доверье.
Распахал он дорогу войны,
Распахнул он сражения двери.

Снарядил в этот грозный час
Тридцать три смельчака Хан-Хурмас,
Пятьдесят и пять небожителей,
И три сотни полков предводителей,
И три тысячи верных воителей
И поклялся, что в битве прославится,
Навсегда с врагами расправится.
Загорелся над миром день.
Оба войска ринулись в бой,
И легла огромная тень
На небесный свод голубой,
И густая великая мгла
На земные просторы легла.
Каждый насмерть бился с врагом.
Покатился над миром гром.
Обагрила утесы кровь.
Те, что вечером были убиты
И лежали, травой сокрыты,
Поутру оживали вновь,
А убитые до зари
Знаменитые богатыри,
Что легли, где растет камыш,
Разбудив полночную тишь,—
В лисьей тьме оживали опять,

Чтобы недругов убивать.
Вот, обиды вспомнив былые,
Насмерть бьются в сумраке мглистом,
И звенят их мечи боевые,
И летят их стрелы со свистом.
Хан-Хурмаса богатыри —
Именитые тридцать и три,
Пятьдесят и пять небожителей,
И три сотни вождей-предводителей,
И три тысячи верных воителей —
Одолели Атай-Улана
Шестьдесят и шесть удальцов,
И шесть сотен вождей военных,
И шесть тысяч обыкновенных,
Но выносливых, смелых бойцов.

Победили их в жарком бою
И низвергли с небесных высот.
Оказались они в краю,
Где гора над горою встает,
В том бесславном, бесплодном краю,
В том бестравном, голодном краю,
Словно вывернутом наизнанку,
Где услышишь ветров перебранку,
Где река, разбита преградами,
Вниз бросается водопадами,
Где кочкарники да болота!
На урочище Хонин-Хото
Храбрецы, что в битвах прославились
На земле, словно лед, расплавились,
Поубавились, как луна,
Поистерлись они, как колеса.
А на небе многоголоса
И кроваво длилась война.

Хан-Хурмас и Атай-Улан
Злую гибель сулят друг другу.
То, как коршуны, реют по кругу,
То, как лоси, друг друга хватают,
То, как беркуты, крылья сплетают,
То как ястребы, гордо взлетают.
Обопрутся руками вперед —
Прямо в бездну столкнут небосвод,
Обопрутся руками назад —
Небеса позади загудят
И с гудением в бездну скатятся.
Началась на небе сумятица,
Изменился времени ход,
Перепутался с годом год.

А противники бьются все злее,
Чтоб друг другу свернуть бычьи шеи,
Напрягают свои усилья,
Чтоб друг другу рассечь сухожилья.

На молочном своем просторе
Взволновалось великое море,
И Сумбэр-гора загудела,
Распростертая без предела,
Зазвенела небесная высь,
И земли задрожало тело,
И холмы над ней затряслись.
Чашу жизни древняя месть
Переполнила, закипая.
Попиралась гордая честь.
Разгоралась вражда вековая.

Хан-Хурмас и Атай-Улан,
Два небесных войск полководца,
Как на небе начнут бороться,
Так не падают с вышины:
У обоих силы равны,
А начнут на земле бороться —
Одинаково оба сильны.
Хан-Хурмас устал от войны,
Трудно дышит Атай-Улан,
Но решимости твердой полны
Боги Западной стороны,
А Восточного неба сыны
Жгучей злобой напоены.

Бьются насмерть противники смелые,
Властелины небесных стран
Хан-Хурмас и Атай-Улан.
Поднялись их волосы белые,
Изогнулись их спины, как луки,
Ослабели могучие руки,
И зубов их слышится скрежет.
Над вершинами солнце брезжит, —
Появился из-за вершин
Сын Хурмаса, Бухэ-Бэлигтэ,
Средний сын, красноцветный сын.
Там, где трудно, там, где опасно,
Там всегда Бухэ-Бэлигтэ!
Сжал он саблю крепко и властно,
Богатырь с бесстрашной душой,
Пред которым трепещут враги,
Размахнулся – отсек большой,
Сильный палец правой ноги

Властелина Атай-Улана,
И тотчас душа улетела
Из куска рассеченного тела.

Хан-Хурмасу силы прибавилось,
И плечо его мощно расправилось.
Как плетьюми, он руками хлещет,
Полный ярости боевой,
И врага, что зубами скрежешет,
Он о скалы бьет головой.
Если вправо удар нанесет —
То на Западной стороне
Сотрясается небосвод,
Если влево удар нанесет —
На Востоке дрожит небосвод.

И на Западе и на Востоке
Жаркой крови помчались потоки,
Ураган поднялся, и вскоре,
Зашумев, нахлынуло море
На дрожащее мироздание,
И низверглось молний блистание,
Родила эта битва грозу,
Загудело вверху и внизу,
И с небес низринулся град —
Всегубительный камнепад.

Приуныла восточная рать,
Не осталось решимости боле,
И, лишенная мысли и воли,
На Восток повернула вспять,
Воскликая: «Несчастье! Несчастье!
Нет надежды вблизи и вдали!
Небожители Западной части
Поражение нам нанесли!
Наше воинство обессилело,
Нам бесславная жизнь опостылела!»

Но, познав желаний свершенье,
Одержав победу в сраженье,
Подошел к царевне Заса,
Грозной рати мощь и краса,
Небожитель Западной части.
Посадил он Сэсэг-Ногон
На коня ястребиной масти,
И быстрее ветра и вести
Он с прекрасной царевной вместе
Поскакал к родной стороне
На своем крепконогом коне.

Победители в трудной войне,
Небожители Западной части,
Что извели бранное счастье,
Поздравляя друг друга по праву,
Поскакали в родную державу.

Перевоплощение Атай-Улана на земле

Свой клинок Хан-Хурмас прославил —
Он противника обезглавил,
И отрубленная голова
Властелина Атай-Улана
Начала ворочать сперва
Тридцать раз глазами-белками.
То ль жива она, то ль мертва?
Из ноздрей вырывалось пламя,
И покрылись уста его пеной,
И саженную косу его
Развевали ветры вселенной.

Эту круглую голову черную,
Что познала участь позорную,
Пнул ногой властелин Хурмас,
И она покатила тотчас
С гор скалистых к просторной пустыне
И повисла как раз посредине
Между небом и твердой землей.
Был таков удел ее злой:
Не под силу ей на небо двинуться
И на землю не может низринуться.
Превратилась она в чудовище
По прозванью Архан-Шудхэр,
Что повсюду ищет становище
И все время исходит слюной:
Проглотить хочет солнце с луной.

Хан-Хурмас рукою своею
Отсекает от тела шею,
Поднимает ее на клинок,
И кидает без сострадания
Он опорный ее позвонок
На седьмое дно мироздания.

На земле, в стороне восточной,
Далеко от воды проточной,
Где неведомы ловля, охота,
На урочище Хонин-Хото,

В землях, вывернутых наизнанку,
Где ветра шумят, спозаранку,
Где река ниспадает с отрога,
Через три пробиваясь порога,
Где бестравье и суховеи
На просторе главенствуют диком,—
Позвонок богатырской шеи
Стал шулмусом огненноликим,
По прозванью Гал-Нурман-хан.

На его широкой груди
Было сорок раз по сто глаз,
Было десять по тысяче раз
Завидующих глаз позади,
На спине, повествует сказ.
А на лысой его голове
Был один-единственный глаз.
Так пылал воинственный глаз,
Будто злая звезда зажглась.
Был во рту один только клык.
Гал-Нурман, в превращеньях велик,
Стал причиной мук и мытарств,
Стал началом всех непотребств.
Он две тысячи ведал коварств,
Три и тысячу ведал волшебств.
Силой рук все сворачивать мог
И ломать мощной силою ног.
Говорят: на земле возродясь,
Чародейством жестоким гордясь,
Он поклялся в кромешной темени:
«Чуть позднее позднего времени,
При слиянии двух времен,
Я устрою погибель племен!»

Хан-Хурмас, дыша горячо,
Довершал богатырское дело.
Руку правую по плечо
Он отсек от безгласного тела,
И Улана руку недвижимую
Ниспроверг он на землю нижнюю.
Ожила рука на земле,
На горе, на Сумбэр-скале,
Стала тигром рука врага,
По прозванию Орголи,
Подчинилась тигру тайга
Всей далекой, полночной земли,
И была страшна его власть.
Как раскроет алчную пасть,
Так проглотит он все живое.

Лезут в пасть деревья тайги —
От корней до зеленой хвои.

Хан-Хурмас не кончил еще
Богатырского, грозного дела.
Руку левую по плечо
Он отсек от безгласного тела,
И отрубленная рука
Сквозь прозрачные облака
На холмистую землю слетела.
И, покинув небесную твердь,
На земле, где гора высока,
Где с рождением встречается смерть,
Та отрубленная рука
Превратилась в чудовище злое
По прозванию Шэрэм-Мината.
Это чудище, злобой богато,
Весь людской ненавидело род.
У того чудовища злого
Был большой, трехсаженный рот,
Был язык ровно в пять четвертей,
Пожирало оно детей,
С каждым днем становясь лютей.

Не хотел Хан-Хурмас отдохнуть.
Отрубил он Атай-Улана
Пустотелую, черную грудь,
Чтоб на землю ее швырнуть.
Пустотелая грудь великана
Оказалась на той земле,
Где долины и горы – во мгле,
Где навыворот все живое,
Где безлюдие в душном зное,—
На урочище Хонин-Хото,
Где кочкарники да болота,
Где, с тремя воюя преградами,
Ниспадает река водопадами,
Где и слово еще не звучало,
Где не смеет подняться росток,
Где реки желтоцветной начало,
Где реки черноцветной исток.
Отсеченная черная грудь
Стала алчным, свирепым чудовищем,
Людам злую погибель готовящим
И в коварстве своем неизменным,
А звалось Абарга-Сэсэном.

Хан-Хурмаса острый и жалящий
Вновь сверкнул на мгновенье клинок,

У Атай-Улана седалище
Отрубил он до самых ног,
И на землю оно полетело
И достигло вскоре предела
Семигорья, безводной земли,
Тьмы и горя бесплодной земли,
Где ветров и песков обиталище,
Иссушенное долгим зноем.
Стало чудищем это седалище,
Диким Лойро-Лобсогодоем,
Что несло по горам и пустыням
На железном коне светло-синем.

А потом на землю слетели
Две отрубленных жалких ноги
И упали средь горных ущелий
В том краю, где не видно ни зги,
Где ветра пролетают с воем,
Где кругом – бестравный простор.
Рядом с черным Лобсогодоем
В трех его превратилось сестер,
И полны были злобы тупой
Эти три сестры Енхобой.

Части тела Атай-Улана,
Как на землю, отрублены, прибыли,
Стали черным источником гибели,
Ибо жаждали постоянно,
День за днем и из года в год,
Истребить человеческий род.
В небесах, в распростертой бездне
Расстилались едким туманом,
Разносили они болезни
По земным, обездоленным странам.

На земле распространяются поварьные болезни

Позвонок богатырской шеи,
Превращенный в Гал-Нурман-хана,
Всех чудовищ сильней и хитрее,
Стал главою бесовского стана.
Вот он черную клятву дает:
«Пусть умрет человеческий плод!
Станет мальчиком? Пусть умрет!
Станет девочкой? Пусть умрет!
Пусть людской прекратится род!
Я покончу с враждебными ханами:

Будет ночь – нападут на них,
Будет день – падут бездыханными,
Трех владык уничтожу земных!»

Эту клятву сказав, Гал-Нурман,
Чья опора – обман и дурман,
Грозно двинулся к Желтой реке,
Начинавшейся в желтом песке.
Он удобное место нашел там,
На крутом побережий желтом.
Сотворил он в той желтизне
Желтых бесов, тридцать числом.
Все нечистые – с желтым хохлом,
Каждый бес – на желтом коне,
Всех снабдил он желтым котлом,
Все питаются желтою гнилью,
Все окутаны желтою пылью.
Он пустился в дорогу опять
И добрался до синей реки.
Были воды ее широки.
Камни синие стал собирать.
Сотворил он из синих камней
Синих бесов, тридцать числом.
Дал им тридцать синих коней,
Всех украсил синим хохлом,
Всех снабдил он синим котлом,
Всех кормил он тухлятиной синею,
Одарил их синей пустынею.

Он в дорогу пустился опять
И добрался до черной реки.
Были воды ее глубоки.
Стал он гальку там собирать.
Сотворил он из мелких камней
Черных бесов, тридцать числом.
Дал им тридцать черных коней,
Всех украсил черным хохлом,
Всех снабдил он черным котлом,
Приказал питаться шулмусам
Черной пищей с гнилостным вкусом.

Девяносто бесов тлетворных,
Желтоцветных, синих и черных,
Стали делать зло на земле,
Чтобы люди погибли во зле.
В воду яд бросали жестокий,
Чтобы рек погибли истоки,
Наполняли корни отравами,
Чтоб луга не блистали травами.

Там, где горы и доли цвели,
Расплодились гадюки и змеи,
На богатые страны земли
Налетели, вопя, суховеи,
Потому что хотели злодеи,
Чтобы люди смерть обрели,
Чтоб живое было отравлено,
Ядовитым туманом придавлено.

Никогда не болевшие люди
Разве думали, ведали разве
О чуме и о страшной язве?
А теперь неожиданно, скоро
Погибали от язвы и мора.
Не болевшие никогда
Табуны, отары, стада
По долинам и косогорам,
На просторах несчастной земли,
Бездыханные, полегли,
Побежденные язвой и мором.

В свете дня и в полночной мгле
Все живое уничтожая,
Воцарилась на всей земле
Язва страшная, моровая.
На бескрайнем просторе земном
Умирили ночью и днем
Люди, звери, птицы, растенья.
Наступило время смятенья.

Племена трех земных вождей,
Неисчетные толпы людей,
Бесконечной печалью печальных,
От болезней страдая повальных,
Вопрошали, друг к другу взывая,
Удивлением удивлены:
«Как нам жить? Из какой стороны
Эта язва пришла моровая,
От которой гибнет больной,
От которой не знаем лекарства?
Кто же стал этих бедствий виной —
Чье злодейство и чье коварство?»

Обратились люди к шаманке,
К той прославленной Шайнархан,
Что лечила от лихоманки,
И в грядущее заглядывала,
И по запаху угадывала,

Где какая убоина жарилась,—
Чтоб над скорбью людскою сжалилась,
Чтоб узнала: по чьей вине
Гибнут люди в каждой стране,
Чье злодейство, чье чародейство
Губит все племена и семейства?
Пригрозили шаманке при этом:
«Если к нам не придешь с ответом,
Не поведаешь о причине
Той беды, что творится ныне,
Мы повесим тебя на осине,
Жадным воронам на обед.
Так ступай, принеси ответ».

Девяносто бесов хотят уничтожить людской род

Шайнархан собрала тогда,
Чтоб развеялась эта беда,
В деревянной надломленной чаше
Слезы женские, слезы мужские,
Скорби-горести, муки людские.
Деревянную чашу крутя
С человеческими слезами,
Неподвижными глядя глазами,
К небу Запада их обратя,
Застывая, как изваяние,
Зашаманила заклинание:

«Поднимись, деревянная чаша,
О несчастной поведай земле,
Покрутись, покрутись на столе,
Чтоб тебя увидела наша
Дорогая Манзан-Гурмэ,
Та, что в Западном горнем краю
Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Та, что волю воздвигла свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться,
Та, что держит чашу добра,
Сотворенную из серебра».

Прокричав слова заклинания,
В распростертые небеса,
Вверх закинула чашу стенания,
Чашу слез, что светлы, как роса.
Облака насквозь пробивая,
Эта чаша, где скорбь живая,

Наконец на столе очутилась
Мудрой бабки Манзан-Гурмэ
И внезапно пред ней закрутилась,
Закрутилась – остановилась.
И тогда-то Манзан-Гурмэ
Удивленьем большим удивилась:
Что еще за беда нагрянула?
Вот в волшебное зеркало глянула,—
В мире верхнем царил покой,
А на нижнем земном просторе,
Там, где род пребывал людской,
Увидала горькое горе.

Девяносто бесов-уродцев,
Чьи противны крики и вопли,
Чьи носы вроде старых колодцев,
Толщиною в два пальца сопли,
Чьи грязны и черны котлы,
А еда – чернее смолы,
Чьи слюной наполнены рты,
Чьи унты не знают подошв,
Чьи без тульи шапки мохнатые,
Чьи бесхвосты кони горбатые,
Чьи глаза как затхлое гноище,
Чьи тела утратили тень,—
На земле устроив побоище,
Серой мглою окутали день.

На земной простор напустили
Черноцветные тучи пыли.
По земле расползаясь, как змеи,
Словно мухи, с жужжаньем летя,
Всех детей убивали злодеи
И закапывали дитя,
Если девочкой был ребенок,
Глубоко под грудой пеленок,
Если мальчиком был ребенок,
То закапывали дитя
Под замолкшей его колыбелью —
Лишь с одной-единственной целью:
Чтоб земля зачахла во мгле,
Чтоб не стало людей на земле.

Язва страшная, моровая
Совершала свой путь жестокий,
Семигорный мир заставляя
Горьких слез проливать потоки.
Громким плачем сменялся крик
В трех державах земных владык.

Зашаталась жизни опора.
Все живое гибло от мора.

Там, где мертвые в прахе валялись,
Там, где правила смерть, веселясь,
Девяносто бесов, бахвалясь
И кривляясь, пускались в пляс.
Как былиночку круговерть,
Так людей уносила смерть.
Постепенно, как снег и лед,
В трех державах таял народ.
Только бесы одни ликовали
На равнине, на перевале,
И в степях, и на шумных морях,
У ручьев и в каждом ущелье,
И безумное это веселье
Всем внушало губительный страх.

И, узнав о язве-чуме,
Рассердилась Манзан-Гурмэ:
«Как на землю упал позвонок
Богатырской шеи Улана,
Что коварен был и жесток, —
Превратился тот позвонок
В завидущего Гал-Нурман-хана.
Из обмана и злого дурмана
Сотворил на земле чародей
Девяносто бесов-грабителей,
Истребляющих бедных людей,
Разорителей-погубителей,
Учиняющих всюду разбой,
Угрожающих язвой-чумой
Трем большим сопредельным странам,
Трем земным тэгэшинским ханам.
И повальная эта беда
Так с людским воевала родом,
Что он стал убивать стада,
Табуны и отары с приплодом
И съедать загубленный скот:
Все равно, мол, скоро помрет,
Одолеть невозможно заразу!»

И тогда, сорвав с себя сразу
Два платка из разных шелков,
Опираясь на посох длиною
В девяносто широких шагов,
Рассердилась Манзан-Гурмэ,
С низко согнутою спиною
Устремилась к отцу богов,

К Эсэгэ-Малану пошла,
Чтоб найти спасенье от зла.

Но уже о бедствии этом
Знал отец Эсэгэ-Малан,
Ибо разум служил ему светом.
К многомудрой Эхэ-Юрен
Обратился он: «Слушай, жена,
Что скажу я, – по всем приметам,
На Хурмаса лежит вина.
Он Улана рассек на части,
Оттого и земли злосчастье.
Пусть Хурмас на землю сойдет,
Где людской терзается род,
Пусть врагов-лиходеев раздавит,
Пусть людей от бедствий избавит».

Лишь замолкло слово Малана,
Как явилась Манзан-Гурмэ,
Перед ним предстала нежданно
С чашей разума и добра,
Сотворенной из серебра.
Говорит ей чета седая:
«Вы займите место повыше,
Вы откушайте нашего чая».
И, напитком ее угощая
Из серебряного кувшина,
Перед бабкой стоят они чинно.
И, отведав того напитка,
Успокоилась бабка немного
И сказала, какая тревога
Семигорную землю гнетет:

«Сиротлив человеческий род,
А терзают наших сирот
Девяносто бесов тлетворных,
Желтоцветных, синих и черных:
Ежедневно грабят и губят,
Еженощно режут и рубят.
То ломают людей, как камыш,
То их скрутят, как тонкую нитку.
Как на муки земли поглядишь,
Так не сможешь терпеть эту пытку.
Убивают седых домоседов,
Убивают и юных в пути.
Говорю я, горе изведав:
Где виновника нам найти?
На тебе, на тебе вина,
И на детях твоих, и на внуках!

Искупи ее: разве должна
Жизнь земная погибнуть в муках?»

Словно туча, лицо нахмуря,
И грозна, как осенняя буря,
И темна, как ночная мгла,
Негодую, она ушла.
И, ее проводив с почетом,
Приказал Эсэгэ-Малан,
Чтоб гонцы, десять сотен счетом,
Чтоб гонцы, двадцать тысяч счетом,
Полетели на север и юг:
«Созовите богов и бурханов,
Повелителей бурь и туманов!
Соберем небожителей в круг.
Мы над звездами дело обсудим,
Как помочь страдающим людям,
В круг собравшись над светом луны,
Будем правдою вдохновлены!»

Повинуясь ему, гонцы
Устремились во все концы
По заоблачным весям и странам —
К властелинам, богам и бурханам.

Надзвездное собрание богатырей посылает Бухэ-Бэлигтэ на землю

Пятьдесят и пять небожителей,
Рати западной предводителей,
Самым старшим приглашены,
Над сияньем звезд и луны
Собрались, мудры и воинственны,
Ради правды, во имя истины.
Эсэгэ-Малан, всех старей,
Много лет не ходил из-за старости
На собрания богатырей,
Но теперь, забыв об усталости,
На собранье явился надзвездном,
На собранье надлунном и грозном.
Прислонившись к спинке сиденья,
Окруженный бурханами важными,
Он глазами дымчато-влажными
Озирал их и ждал их сужденья.

Здесь теснились небесные воины,
Что победами были прославлены,—

Богатейшие чем-то расстроены,
И нойоны чем-то подавлены.
Есть у всех владенье-имущество,
Только нет былого могущества.

Шум летит из конца в конец,
Различаются в шуме слова:
«Эсэгэ-Малан, наш отец,
Наш великий, верховный глава,
Чтоб свои передать права,
Чтобы нам пожаловать милость,
И величье, и власть, и достоинство,
Повелел, чтоб сюда явилось
Небожителей славное воинство!»

Хан-Хурмас, обдумав заранее,
Предстоящее трудное дело,
Открывает это собрание
И ведет его властно, умело.
И, созвездьями окружена,
Там, внизу, сверкает луна.
Каждый бес на земле – убийца,
Расплодилось их девяносто,
Нет охотников с ними биться,
Нет охотников с неба спуститься,
Потому что это не просто.
Небожители говорят:
«Если спустимся мы на землю,
Никогда не вернемся назад.
Если мы в болоте застрянем,
Никогда уже ввысь не прянем,
Мы погибнем в тине земной.
Никогда не собратья собраньем
Нам над звездами и луной».

Слушал их Эсэгэ-Малан,
Слушал, взвешивал каждое слово
И смотрел на них гневно, сурово.
Он сказал: «Вашим возгласам внемлю,
А душа моя скорби полна.
На Хурмасы лежит вина.
Пусть же сам он сойдет на землю,
Пусть искупит свою вину,
Против бесов начнет войну».

И старик удалился домой,
Опираясь на посох владыки,
В девяносто саженей длиной,
И опять слышались крики...

Многомощны и белолики
И сошедшие с каждой звезды,
Эти воины храбро сражались,
Но теперь они не решались
Землю вызволить из беды.
Приводили разные доводы
Молодые и старики,
И ревели они, как быки,
Будто их искушали оводы:

«Если бесы бесчинства творят,
Если в этом Хурмас виноват,
Пусть он сам на землю сойдет,
Пусть спасет человеческий род.
Неужель по вине чужой
Будем жертвовать нашей душой?
Почему вины своей бремя
Порешил он свалить на нас?»

Расшумелось небесное племя.
Хочет слово сказать Хурмас —
Не дают ему говорить.
Гул становится громче, сильнее,
И нойоны и богатеи
Не дают ему рта раскрыть.

Возмущение умножалось,
И к отцу почувствовал жалость
Средний сын, Бухэ-Бэлигтэ.
Он сказал: «К чему наши споры?
Если нам на земные просторы
Надо с горней сойти синевы,
Есть для этого две головы.
Если старший мой брат откажется,
Если младший робким окажется,
Средний сын, я на землю сойду,
Я развею людскую беду!»

Так сказал он немногословно,
И Хурмас на среднего сына,
Красноцветного исполина,
Посмотрел по-отцовски любовно.
«Верно!» – возгласы были слышны
Над сиянием звезд и луны.

И тогда небожитель Хурмас
Посылает отцовский наказ
Сильнорукому старшему сыну,
Что в своей скалистой, стране

Обиталищем сделал вершину,
Что на сером, как ястреб, коне
Обгонял и буран и ветер,
Что в сраженьях был впереди:
«Ты на нижнюю землю сойди!»
Но Заса-Мэргэн так ответил:

«Разве этому есть причина,
Что вы гоните старшего сына,
Чтобы я на земле изнемог,
Под дождем семидневным промок?
Мне, по правде сказать, недосуг
Наблюдать, как пронзят меня вдруг
Оперенных семьдесят стрел.
Ваш наказ не могу принять я.
У меня есть младшие братья —
Их пошлите в земной предел!»

С гневом Хан-Хурмас посмотрел,
И за младшим послал он сыном,
Мол, на землю сойди, помоги нам.
Но сказал Хабата-Гэрэл:
«Что случилось, отец? На меня
Посмотрите с любовью в очах:
Я рожден быть стражем огня
И поддерживать ваш очаг!»

Огорченный речью такою,
Обратился к Бухэ-Бэлигтэ
Хан-Хурмас с великой тоскою:
«Я печалью печалюсь людскою,
Я повинен в ужасном зле —
Гибнет род людской на земле.
Смерть приблизилась к старым и юным.
Как мне быть? С надзвездным, надлунным
Мне собранием спорить нельзя.
Если помощи людям не будет,
То меня наш отец осудит,
Мне позором вечным грозя!»

Наступила тогда
Наверху тишина.
Речь Бухэ-Бэлигтэ
Стала ясно слышна:
«Все, что я попрошу,
Мне дадите ль сполна?»
А Хурмас: «Все отдам —
На погибель врагам!»

Средний сын говорит:
«Правда в сердце горит,
Ваш приказ я приемлю,
А раз так – то на землю
Мне придется сойти.
Не страшусь я пути,
Но, отец мой, сперва
Мне скажите слова.

Отдадите ли мне
Брата, старшего брата,
Что летит на коне,
Чья порода крылата?
Старший брат мой Заса —
Богатырства краса,
Он бесстрашен в бою».
Отвечает Хурмас: «Отдаю! Отдаю!»

«Отдадите ли мне
Трех красавиц небесных,
Трех сестер, всем известных
В нашем звездном краю?»
А Хурмас: «Отдаю».

«Отдадите ли мне,
Под седлом и в броне,
Вы Бэлыгэна гнедого,
Скакуна удалого,
Мощь, опору свою?»
А Хурмас: «Отдаю!»

«Мне четыре волшебных
Отдадите ли посоха,
Мне на море потребных,
Чтоб ходил, будто посуху,
С пеной синею споря,
Беспредельного моря
Побеждая струю?»
А Хурмас: «Отдаю!»

«Мне аркан отдадите ли,
Чтоб на поприще брани
Оказались воители
В этом крепком аркане,
Видя силу мою?»
А Хурмас: «Отдаю!»

«Отдадите ли мне
Вы частичку сандала,

Чтоб в чужой стороне
Боль мою исцеляла,—
Отдадите иль нет?»
«Отдаю!» – был ответ.

«Отдадите ли сыну
Красный камень вождей,
Что прольет на долину
Десять тысяч дождей.
Отдадите иль нет?»
«Отдаю!» – был ответ.

«Мне, отец, отдадите ль
Вы царевну Наран?
К ней придя как спаситель,
Я развеял дурман,
Исцелил от недуга —
Ближе нет у ней друга.
Отдадите иль нет
Дочь могучего Солнца,
Что нежна, как рассвет?»
«Отдаю!» – был ответ.

Получив обещанье отца,
Был Бухэ-Бэлигтэ готов
Долг исполнить свой до конца,
Мир земной спасти от врагов.
Порешило собранье надзвездное
Небожителей-богатырей:
«Предстоит сражение грозное.
Пусть на землю сойдет поскорей
Сын Хурмаса с небесных высот.
Пусть людей от смерти спасет.

На земле он вкусит земного,
На земле он родится снова.
Чтобы долю познать бедняка,
В самой бедной семье он родится
У старухи и старика,
И тогда-то он воплотится,
Человеческий ум обретя,
В человеческое дитя».
Так в надзвездном, надлунном чертоге
Порешили воители-боги,
И, решеньем своим успокоены,
По домам разъехались воины.

Дочь Солнца превращается в старуху

Между облачной белизной
И небесной синью сквозной,
Что не знала конца и предела,
Дочка Солнца, Наран-Гохон,
Серым жаворонком звенела,
Совершая свое паренье
В переливчатом оперенье.

Богатырь Бухэ-Бэлигтэ
Не сумел ее взять с собою,
Он добрался к той высоте
Не сумел небесной тропюю.
Приготовившись к долгому бою,
Он оружие взял, чтоб сражаться,
Взял коня, чтоб, как ветер, мчаться,
Взял он брата и трех сестер,
На земной опустился простор.
В это время нойон Саргал,
Что земных владык возглавлял,—
Среди трех был старшим нойон,—
Необычный увидел сон:
Там, где север суров и сер,
Где восходит гора Сумбэр,
Между облачной белизной
И небесной синью сквозной
Чудный жаворонок пролетал,
Словно блеском зари трепетал.

Если б жаворонка достать
И на землю спустить удалось,
На земле б родилась благодать,
Благоденствие б родилось
На земле трех тубинских стран...
И, проснувшись, ударил Саргал
В золотой, боевой барабан,
Свой полночный народ созвал,
И в серебряный барабан
Он забил, потрясая дол,
Чтобы южный народ пришел.

Три вождя трех племен земли
Племена свои привели
К перевалу горы Сумбэр.
Увидали они: вдали,
Там, где север суров и сер,

Над вершинами острых скал
Звонкий жаворонок трепетал,
Совершая свое паренье
В переливчатом оперенье.

«Если б жаворонка поймать
И спустить на землю живым,
Пролилась бы на нас благодать,
Засияло бы счастьем земным
Племенам трех тубинских стран!»
Так воскликнул нойон Саргал,
Но коварный Хара-Зутан,
Усмехнувшись злобно, сказал:
«Не хватает силенок вам, что ли,
Птицу-жаворонка поймать
Ради вашей счастливой доли?»»

Достает он стрелу Хангая
И, сначала ее пропуская
Меж ногами хромого пса,—
Перед тем, как метнуть в небеса,
Чтоб достигла заветной цели,—
Он стрелой коснулся постели
Черноликой бездетной вдовы,
Заклинаньем стрелу заклиная.
И взметнулась, и в глубь синевы
Устремилась стрела стальная.
И, стрелюю замороженной
Так предательски пораженный,
С неба жаворонок слетел,
На земной опустился предел.

И увидели все неожиданно
Дочь-царевну Наран-Дулана,
Ту, что Солнцем на свет рождена,
И увидели все, что она —
Украшенье стран и племен,
Та царевна Наран-Гохон.

Молвил слово Саргал-нойон:
«Возвестил мне мой вещий сон:
Хоть светла и прекрасна царевна,
Хоть мила и близка нам душевно,
Ради счастья стран и племен
Надо сделать ее одноокой,
Надо сделать ее однорукой,
Надо сделать ее хромой,
Надо сделать ее женой
Сэнгэлэна, старца-нойона.

Надо быстро и потаенно
Поселить их в лачуге нищей,
Превратить царевну в старуху,
Пусть пасут корову-чернуху,
Молоко пусть им будет пищей,
Что заквашено в старом котле!
Счастья нам не видать на земле
И веселья в доме человеческом,
Если мы этих двух стариков
Не прогоним, не искалечим!»

Был ответ Сэнгэлэна таков:
«Не могу, не найду в себе силы
Изуродовать облик милый,
Иskalечить Наран-Гохон!»
Черной злобою обозлен,
Никого на земле не любя,
Восклицает Хара-Зутан:
«Это я возьму на себя!»

И жестокая сталь заблестала,
И тогда однурукою стала,
Одноокой и хромоногой,
Горемыкой старой, убогой
Дочка Солнца, Наран-Гохон,
Что была мечтою племен,
Благодатью солнечноликой!
Сэнгэлэна с той горемыкой
Сочетали и сразу прогнали,
И они побрели в печали.

Дочь Солнца становится земной матерью Гэсэра

У старухи и старика
Нет мальчишки-озорника,
Чтоб его на коленях качать,
Чтоб ласкать, – нет у них потомка,
Нет собаки, чтоб лаяла громко,
Нет овец, чтоб землю топтать.
Возле жалкой своей стоянки,
Где безлюдье, ветер и холод,
Черемшой утоляют голод
И выкапывают саранки.

От небесной отчизны вдали
Дни земные текли и текли
В том краю, где безлюдно и глухо.

Много ль, мало ль прошло недель,
Просыпается как-то старуха,
Перетряхивает постель:
Показалось ей, что колышется
И волнуется одеяло,
Что ей голос младенца слышится!
И царица Наран-Гохон
Вновь красивой и юной стала.
У нее, у жены старика,
Исцелились нога и рука,
Стало, зрячее, видеть далёко
Сталью выколотое око.

В удивленье, в счастливом испуге
Выбегает она из лачуги,
Видит дочь небесной страны:
Снег лежит, белизной сияя,
А у двери следы видны
Убегающего горностая.

Побежала по этим следам,
По глухим, безлюдным местам —
Потерялись следы горностая,
Превратились в следы колонка.
По звериному следу ступая,
И внимательна и чутка,
Поднимается, молодая,
На вершину Сумбэр-горы.
Там, в сиянье рассветной поры,
Увидала дворец величавый,
Белостенный и белоглавый,
Потерялись следы колонка —
Превратились в своем движенье
В человечесьи следы саженьи,
И вели они во дворец.
Заглянула в дверной проем, —
Эсэгэ, всех богов отец,
За широким сидел столом.
Говорил ему Хан-Хурмас,
Очищая шубу от снега:
«Наконец я дождался ночлега.
Я прошел, чтоб увидеть вас,
По сугробам такой высоты,
Что насквозь промочил унты».

И возрадовалась царица,
Небожителей увидав,
Повелителей горных держав,
Что беседовали задушевно.

Дочка Солнца подумала так:
«Это – добрые весть и знак».
Возвратилась она в лачугу,
Возвратилась она к супругу
И старухой стала опять,
Стала жить и радости ждать.

Пролетело нужное время
Над старухой и стариком.
Показалось царевне – семя
Превратилось в желанное бремя,
Грудь белым полна молоком.
Показалось: судьба, блистая,
Будет к ней добра неизменно,
И отцовская золотая
Будет коновязь благословенна...

Так нойон Сэлэнгэн-старик
И царевна супругами стали,
Расстелили постель-потник,
Две свои головы сочetaли,
И в краю, где снежные дали,
Вместе жили и радости ждали.

Перевод Семёна Липкина.

Ветвь вторая Три царевны

Часть 1

Второе рождение

Ствол у дерева серый,
Свечи в желтой листве,
А в стихах о Гэсэре —
Битва в каждой главе.
Нам за ястребом в тучах
Почему б не погнаться,
Родословной могучих
Почему б не заняться?

Девяносто бесов-уродцев,
Чьи противны крики и вопли,
Чьи носы вроде старых колодцев,
Толщиною в два пальца сопли,
Чьи без тульи шапки мохнатые,
Чьи бесхвосты кони горбатые, —
Облетали трижды вокруг
Неокрепшей земли необъятной,
Север, запад, восток и юг
Облетали четырехкратно,
Совершали зло на земле,
Чтоб земля погибла во зле.
Черноцветные тучи пыли
Напустив на лесные края,
Погасить они порешили
Праздник жизни, свет бытия.

В это время в безлюдной местности,
Где шумела тайга каждой веткой,
В одиночестве и в безвестности,
В бедной юрте, низенькой, ветхой,
Над которой в серый денек
Робко вился-курился дымок,
У подножья Сумбэр-горы
Жили-ждали лучшей поры
Сэнгэлэн, седовласый нойон,
Со старухой Наран-Гохон.

У старухи и старика
Нет мальчишки-озорника,
Чтоб его на коленях качать,
Чтоб ласкать, – нет у них потомка,
Нет собаки, чтоб лаяла громко,
Нет скота, чтобы луг топтать,—
Ни коня у них, ни овечки.
То поставят вершу на речке,
Ловят рыбок-мальков поутру,
То в их петельку в темном бору
Попадут тушканчик иль заяц...
Так живут, от мора спасаясь,
Черемшой утоляют голод
И выкапывают саранки
Возле жалкой своей стоянки,
Где безлюдье, ветер и холод.

Сэнгэлэн как-то утром ранним
Порешил пойти на охоту,
Но его, в другую заботу
Всей душою погружена,
Отговаривала жена:
«На последнем я месяце ныне.
Ты подумай о будущем сыне,—
Видишь, тело мое налилось,
Платье спереди поднялось,
Сзади платье мое повисло.
Затруднилось дыханье мое.
Покидать в эту пору жильё,
На охоту идти – нету смысла:
Если пищу упустит волк,
То, как бешеный, он завоюет,
Если муж нарушит свой долг,
То позором себя покроет!»

Но ушел упрямый старик,
А старуха в таежном затишье
Разостлала войлок-потник,
Подложила подушку повыше.
Что ей день сулит впереди?
Если дочь родится – баюкать
Будет девочку на груди,
А родится сын – будет мать
На коленях его качать.

Закричал внезапно ребенок
Из ее материнского чрева.
Этот голос был ласков и звонок,
И была в нем нежность напева.

Говорил ребенок, взывая:
«Приподнять прошу я, родная,
Белый шлем, на тебя надетый,
Полный яркого звездного света».

Разве знала старуха пред тем,
Что надет на ней звездный шлем?
Но как только Наран-Гохон
Шлем блестящий приподняла,
В тот же миг от ее чела
Высоко устремился вдруг
Чистый дух, светоносный дух.

Яркий шлем на голову плотно
Натянула правой рукой,
Но из правой подмышки другой
Взвился дух – светло, быстролетно.
Потянулась – и левой рукой
Заслонила подмышку правую;
Слева, с яркостью величавою,
Третий дух воспарил сильнокрыло.
Натянула шлем и застыла,
Сразу обе подмышки прижав,—
Дух четвертый из пуповины
Ввысь взлетел, где синел небосклон.

Потемнела от боли-кручины,
Загрустила Наран-Гохон:
Потеряла четыре плода,
И не стать им детьми никогда!
Но из чрева снова раздался
Голосок Бухэ-Бэлигтэ:
«Я, последыш, в чреве остался!
Я медлителен, вот беда,
Я опаздываю всегда!
Но, по крайней мере, теперь,—
Ты, родная моя, поверь,—
Нарожусь в урочное время:
Ты не даром носила бремя,
Не напрасно меня зачала!»

Светлый дух, от ее чела
Устремившийся к высоте,—
Был Заса-Мэргэн, старший брат
Храбреца Бухэ-Бэлигтэ.
Дух второй, красив и крылат,
Воспаривший в сиянье добра,—
То Бухэ-Бэлигтэ сестра,
То Эржэн-Гохон белоцветная.

Третий дух, воспаривший туда,
Где светла облаков гряда,
Где звезда сияет рассветная,—
То сестра Бухэ-Бэлигтэ,
То Дуран-Гохон красноцветная.
Дух четвертый, из пуповины
На небесные луговины
Воспаривший, блестя, как денница,
То Бухэ-Бэлигтэ сестрица,
Молодая Сэбэл-Гохон.

Вот, удачей своей вдохновлен,
Сэнгэлэн, охотник седой,
Возвратился с добычей домой.
Но добыча жене не нужна,
Но кричит-бранится жена:

«Говорила тебе: „Не ходи!“
Говорила тебе: „Погоди!“
Где шатался, блудливый бык?
А пока ты шатался, блудник,
Я четыре души упустила.
Ох, с тобою мне жизнь постыла!
Если завтра уйдешь опять —
Одинокими станем снова,
Без ребеночка дорогого
Будем век вдвоем доживать!»

Так старуха стонала-рыдала,
Превращаясь в добрую мать.
Вот и утро в тайге настало.
Не пошел на охоту старик:
Ни к чему ему брань и крик!
А старуха лежала, ноя,
Ибо ныло все костяное,
Все запуталось волосяное!
Истрадалась Наран-Гохон,
Не лежалось ей, не сиделось.
Вдруг похлебки ей захотелось,—
И малыш, исполненный гнева,
Некрасивый, вышел из чрева.
Из себя извергал он кал,
Сопли из носу выпускал.

Вместо счастья у матери – горе:
Вот какой уродился сынок!
И ребенка, в тоске и позоре,
Оттолкнула ступнями ног.
Но старик его на руки взял,

Спеленал дитя и сказал
Он жене слова укоризны:
«Вот какого ты мне сынка
Родила на закате жизни!
Но хотя он соплив и грязен,
А с лица – сердит, безобразен,
Нам с тобою он послан судьбой,
Мальчик, выношенный тобой.
Из детей лучше всех – это сын,
Из птенцов лучше всех – желторотый!»
Дожил старый нойон до седин,
С поздней-поздней отцовской заботой,
Он баюкал родное дитя,
Радость новую обрета.

Девяносто коварных бесов

Повествует старинный сказ:
Крепкий мальчик вышел из чрева.
Был открыт его правый глаз,
Был прищурен глаз его левый.
Ногу левую мальчик согнул,
Руку правую ввысь протянул.

Удивляется старая мать,
Сэнгэлэну она говорит:
«Это как же нам понимать?
Правый глаз у него открыт,
И прищурен был глаз его левый.
Что за дитяtko вышло из чрева!
Ногу левую мальчик согнул,
Руку правую ввысь протянул».

Услыхав такие попреки,
Начал речь крепыш краснощекий:
«Ввысь протянутой правой рукой
Силу зла повергну в сраженьях,
Чтобы праздновал род людской
Праздник жизни в лесах весенних.
Я под правой своей ногой
Справедливую власть укреплю,
Защищая мир и покой.
Распрямив свою левую ногу,
Всех предателей раздавлю!
Чтобы верную видеть дорогу,
Будет правый мой глаз открыт.
Чтобы видеть, за часом час,

Тех, кто ложь, кто измену творит,
Будет левый прищурен глаз!»

Так сказал здоровяк-сопленок,
Что родился в безлюдном лесу.
Исходила вонь от пеленок,
Не кончались и сопли в носу.
А старик и старуха жена
Вкруг младенца с утра до темна
Суетились, души в нем не чая,
И, друг друга опережая,
Омывали дитя-крепыша.
Утомясь и с трудом дыша,
Укачали дитя в колыбели,
Отнесли в правый угол его,
Предназначенный для того,
Чтобы справа гости воссели,—
Он изгадил почетное место.
Уложили его поскорей
В колыбель возле самых дверей,—
Он испачкал просторное место!
И ребенка, измучась вконец,
Вместе вынесли за порог
В колыбели мать и отец
И поставили на бугорок.

Но когда небеса потемнели,
Лисья полночь нависла кругом,
Мальчик выскочил из колыбели
И по лесу – ползком-ползком.
Сплел он семьдесят петель-силков,
Их расставил среди кустов,
И заплакал крепыш краснощекий.
Услыхали тот плач на востоке,
В позабытом, безлюдном краю,
Словно вывернутом наизнанку,
Где гуляют ветра спозаранку,
Где, свою низвергая струю,
Гулко льется река водопадами,
Бурно бьется с камнями-преградами,
Где кочкарники да болота,
Где урочище Хонин-Хото.

Девяносто бесов спросонок
Услыхали, что плачет ребенок,
И сказали: «Мы слышим плач
Не того ли, чье сердце просторно,
И чей взгляд, как пламя, горяч,
И чью кровь нам испить не зорно?»

И мышей эти бесы зловредные
В край погнали далекий, лесной.
У мышей были морды медные,
Ну а сами – величиной
Были мыши с быков-трехлеток.
Вот ползут меж кустов и веток,
Все вынюхивают вокруг,
Все высматривают вокруг,—
И в силки попадают вдруг!
Уничтожить ребенка хотели,
А малыш не спешил умереть:
Мальчик выскочил из колыбели,
Взял из красного дерева плетъ,—
А застежек на ней восемнадцать,—
И с мышами давай расправляться!
Всех, чьи морды – зеленая медь,
Чьи свирепы и подлы обличья,
Чьи тела похожи на бычьи,—
Ударяла крепкая плетъ.
Но хотелось им уцелеть,
И наполнилась ими река.
А мальчишка воскликнул: «Впредь,
В отдаленнейшие века,
Вы не будете ростом с быка,
Обретете из мяса морды!»
Так сказал он, победой гордый,
И прогнал из леса мышей.
«В первый день новой жизни моей
Одного одолел я врага,
И спокойною стала тайга».
Так сказав, он заснул в колыбели,
А над ним деревья шумели.
Прискакал жеребенок гнедой,
Чтоб травой наслаждаться густой.
Вот проснулся день молодой,
Загорелась заря, блестя,
И старик со старухой вместе
Вносят в юрту свое дитя,
Чтоб лежал на почетном месте,—
Но изгадил он место почетное.
Уложили его поскорей
В колыбель у самых дверей,—
Он испачкал место вольготное!
Можно ль вытерпеть эту вонь?
И туда, где стоял их конь,
Колыбель они вынесли снова
И поставили на бугорок,
И рожденный в тайге ветерок

Обвевал и дитя и гнедого.

Вот заснул в затишье лесном
Крепкий мальчик завидным сном.
Девяносто бесов тлетворных
Не дождутся своих мышей.
Посылают воронов черных,
Чтоб достигли тех рубежей,
Что зовутся таежным краем,
Чтоб напали на мальчика с граем,
Чтоб они на лицо его сели,
Чтобы выклевали глаза,
А потом в жестоком веселье
Унеслись за луга и леса.
Будто вымазанные в дегте,
Эти вороны были черны.
Из безлюдной они стороны,
Из железа их клювы и когти!

Но в младенце сила была:
Он схватил их за два крыла
И сказал, глазами сверкнув:
«Ради зла родились эти двое,—
На земле истребят все живое
Их железные когти и клюв!»

Он у птиц, — для них бесполезные, —
Вырвал клювы-когти железные,
Вставил клювы им роговые,
Вставил когти им ногтевые
И сказал: «В одно из времен
Поздних дней наступит черед,
И тогда весь вороний род
До едина будет снабжен
Клювом крепким, но роговым,
Когтем цепким, но ногтевым!»
Отпустил он воронов прочь.
На тайгу опрокинулась ночь.
Новой жизни два дня прошло
Одолел он второе зло.

В колыбели заснул малыш,
Жеребенок его — на лугу,
И кругом — таежная тишь...
Разбудило утро тайгу,
Вышел старый нойон за порог
И поднялся на бугорок.
Он к груди прижал малыша,
Он домой унес крепыша.

Мальчик в юрте поел охотно
И спокойно весь день, беззаботно
Он лежал на месте почетном.
Но когда небеса потемнели,
Он заплакал в своей колыбели,
И таким наполнил он смрадом
Все жилье, издавая крик,
Что стоять не могли с ним рядом
Ни старуха мать, ни старик.

Раз в ребенке такой порок,
Колыбель они вынесли снова
И поставили на бугорок,
Посреди затишья лесного
Мальчик плакал, и плач его громкий
В содроганье привел потемки.
Девяносто бесов тлетворных,
Девяносто злых и трусливых,
Не дождавшись воронов черных,
Комаров собрали кусливых.
Что пред ними весь род вороний?
Комары велики, словно кони!

Комары прилетели со звоном,
Лапки – больше конских копыт.
Закружились над мальчиком сонным,
Притворился малыш, будто спит.
Вьются-кружатся, тонко звеня,
Но готова для них западня:
Хоть, как лошади велики,
Комары попали в силки,
Комары в силках ослабели!

Мальчик выскочил из колыбели,
Взял из красного дерева плеть,
Чтоб расправиться с ними, как с мошками.
Восемнадцать бил их застежками,—
Комары перестали звенеть,
Услыхали ребенка приказ:
«Я, пожалуй, помилую вас,
Но сперва поклянитесь, что впредь
Мелкой мошкой станете вы,
Чтоб висеть на верхушках травы!»

Клятву взяв, он прогнал комаров —
Каждый был размером с коня!
Потемнел небесный покров.
Новой жизни прошло три дня —

Трех врагов одолел мальчуган...
Вот растаял рассветный туман,
И старик со старухой снова
Взяли на руки сына родного,
Принесли в шалаш травяной.
Мальчуган покушал отменно
И заснул, обретя покой.
Просветлела душа Сэнгэлэна,
Он сказал старухе седой:

«Чтобы радовать нас, есть ребенок,
Чтоб зимой согреть, есть очаг,
Чтобы встретить нас, есть жеребенок,
Чтоб за нами бежать, есть лончак!»
И спокойно заснули втроем
В шалаше таежном своем.

Поутру закричали спросонья:
Задыхаются от зловонья!
Старец крикнул: «Ублюдок наш
Травяной испоганил шалаш,
На весь мир от ребенка смердит!»
За порог он вышел, сердит.
Следом с мальчиком вышла мать,
На супруга стала кричать:

«Нас кормить этот мальчик не будет,
Повзрослеет – о нас позабудет,
Нашу старость не станет жалеть.
Унеси ты его в берлогу,
Где сидит в черной шубе медведь».
Сэнгэлэн знал к медведю дорогу,
И унес в медвежий тайник
Своего ребенка старик.

День проснулся, прогнав дремоту.
Сэнгэлэн пошел на охоту.
Он, росой обрызганный свежей,
Подошел к берлоге медвежьей.
Видит: мальчик его ненаглядный,
Без штанишек, грязный и смрадный,
По тропинке ползет травяной.
И, взглянув на отца, рассмеялся
Сэнгэлэна сынок озорной.
Он к седому отцу приласкался,
А за ним на траве распластался
В черной шубе хозяин-медведь:
Недвижим, он лежит, не дыша,
Он раздавлен рукой малыша.

До чего же силен, озорник!
Сына к сердцу прижал старик
И унес ребенка домой.
Ох, вкусна была замечательно
Эта свежая медвежатина!
И старик со своей женой
Пищей лакомились мясной:

«Нам небесными властелинами,
Видно, мальчик этот дарован.
Поднебесными исполинами
Нам на радость мальчик дарован.
Он для подвигов приуготован.
Так не будем плакать в кручине,
Пусть, как хочет, живет отныне!» —
Говорили они о сыне.

Косоглазый лама

Обгоняя в тайге все сроки,
Стал расти крепыш краснощекий:
Богатырская грудь широка,
И крепка и могуча рука.
За ночь так мальчуган выростал,
Что ему становился мал
Из овечьей шкуры тулупчик.
За день так выростал голубчик,
Что ему становилась тесна
Даже шуба из бычьей кожи,
И просил он другой одежи.
А в тайге звенела весна,
Мальчик прыгал среди разнотравья,
Напевал, юной жизни рад,
То гнусавя, то шепелявя,
То влопад, а то невлопад.
В это время вожак злотворных
Бесов синих, желтых и черных
Двадцати волшебствам дал приказ
По ладони пуститься в пляс,
А потом по перстам пустил
Десять людям враждебных сил
И постиг жестоким своим
Постижением колдовским:

«Небесами земле заповеданный
И земле неокрепшей преданный,

Появился для блага людей
Исполин, богатырь, чародей.
Уничтожим его, покуда
Этот мальчик не возмужал,
А не то будет бесам худо!»

Злобных бесов собрал вожак,
И они порешили так:
«Уничтожим того чародея,
Что, неслыханной силой владея,
Ради радости бедного люда,
Возмужав, дойдет и досюда.
Уничтожим его, покуда
Он не вырос еще, не окреп!»

Вот вожак, хитер и свиреп,
Напрягает свой черный разум,
Погубить замыслив дитя...
В человека себя превратя,
Стал он ламою косоглазым.
Из безлюдной страны Хонин-Хото,
Где кочкарники да болота,
Где живое гибнет бесславно,
Где земля бесплодна, бестравна,
Будто вывернута наизнанку,—
До таежной чащи густой
Пробирался паломник святой
И нашел Сэнгэлэна стоянку.
Поклонился он, сладкоголос,
И моление произнес.

Косоглазого старца святого
Привечает Наран-Гохон.
Всем, что в юрте было готово,
Угощает Наран-Гохон.
Вопрошает учтивый нойон
Косоглазого старика:
«Далеко ли, близко ль живете?
Далеко ли, близко ль идете?
Как, скажите, зовется река,
Из которой вы воду пьете?
Как название той страны,
Где вы были на свет рождены?»

Источает из уст обман,
Облачает слова в туман
Косоглазый лама в ответ:
«На востоке рожден я на свет,
Возле устья Желтой реки.

Я – искатель чистых путей,
Воспитатель малых детей,
Я их пестую в ранние дни,
А когда подрастают они,
Я учу их ёхору-пляске.
Я теперь узнал, что у вас
Появилось дитя в добрый час,
Я пришел, исполненный ласки».

Старики тогда приосанились,
От смущения зарумянились,
На душе у них посветлело.
А ребенок в люльке кричит,
А ребенок плачет навзрыд,—
Неужели дитя заболело?
Старый лама забеспокоился:
«Почему он все время плачет?
Может быть, желудок расстроился?
Я узнаю, что это значит!»

Лжепаломник с коварной целью
Наклонился над колыбелью,
Но разумный младенец постиг,
Кто таков косоглазый старик.
Прекратив свои сладкие речи
И отринув лик человеческий,
Принял облик свой истинный бес,
В колыбель с головою залез,
Порешил: младенца убьет,
Порешил: мальчугану в рот
Он вонзит непомерный клюв.
Но ребенок, дело смекнув,
Ухватил ручонкою тонкой
За огромный железный клюв,
Он ударил детской ножонкой,
Но со всею силой своею,
Косоглазого ламу в шею.

Отскочила от плеч голова
И за дверь покатилась, мертва.
Был издохший бес изувечен,—
Вместе с легкими вырвалась печень,
Опрокинулась грудь пустая,
И в чащобу она поползла,
Где трава зеленела густая...

На неожиданную гибель зла
Старики с удивленьем смотрели.
Мальчик выскочил из колыбели,

Мать с отцом повел за собой.
Увидали в чащобе густой,
Средь кустов и веток бесчисленных,
Бездыханного вожака
Девяноста бесов зломысленных.

У отца из-за кушака
Мальчик выхватил острый топор.
Зашумел разбуженный бор.
Сэнгэлэн и мальчик вдвоем
Порубили в лесу густом
И сырые стволы, и надежные,
Вместе с ветками, вместе с корнями.
Порубили деревья таежные,
Развели высокое пламя.
На костре сожгли среди леса
Ламу ложного, злобного беса,
Превратили его в золу,—
Да не будет победы злу,
И осиновою лопатой
Этот пепел собрали проклятый,
А березовую лопатой
По тайге черный пепел развеяли,—
Для людей это дело содеяли.

И сказал Бухэ-Бэлигтэ:
«Как вступил я в земной предел —
Трех противников одолел,
И четвертый враг сломлен мной
В день четвертый жизни земной!»
Так сказав, он уснул в колыбели,
А старик со старухой женой
Улыбнулись, повеселели:
«Прелесть девочке с детства дана,
Сила мальчика с детства видна!»

Мальчик уничтожает бесов

Много ль, мало ли минуло времени,
Мальчик в юрте рос без доуки.
Достают его ноги до стремени,
И до вьюков – округлые руки.
А у Желтого моря далекого,
У истока Желтой реки,
Где желты и пустынные пески,
Тридцать бесов нашли себе логово:
Пляшут, скачут, визжат, желтоликие,

Да заводят игрища дикие.

Загрязнили Желтое море,
Развели в нем гадов-червей,
Напустили они суховей,
Иссушили, всем тварям на горе,
Воду пресную Желтой реки,
Заглушили ее жестоко,
Задушили ее с истока,
Загубили траву с корнями,
Едкой пылью, большими камнями
Завалили источник каждый,
Чтоб народ погибал от жажды,
Напустили язву и мор,
Чтоб земной обезлюдел простор:
Что ни день – гибнет сотня людей,
Что ни день – гибнет сто лошадей.

Мальчуган Бухэ-Бэлигтэ
Наилучшей дождался поры.
Он сработал из желтой коры
И коня, и огромный котел,
А потом искрошил, измолол,
Будто желтую шкурку беличьёю,
Травку желтую с галечной мелочью.
Он до Желтого моря дошел,
До истока Желтой реки,
Где без края желтели пески.
Он присел на желтой земле,
Стал готовить в желтом котле
Измельченную желтую снедь,
Стал на желтую воду глядеть.

Вдруг из желтой морской пучины,
Из потока Желтой реки
Разом вышли на берег пустынный,
Побежали вперегонки
Тридцать бесов желтого цвета,
Закричали вместо привета:
«Что за пищу ты варишь, малыш?
Может, завтраком нас угостишь?»

Вьются бесы, тридцать числом,
Перед желтым толпятся котлом,
Все нечистые – с желтым хохлом.
Им сказал Бухэ-Бэлигтэ:
«Небожителями Востока
Я направлен к вам издалёка.
Вижу, вам живется несладко,—

Ни избытка у вас, ни порядка.
Я вам другом-помощником стану!»

Не поверили бесы обману
И ответили мальчугану:
«Нам взаправду ль на помощь пришел ты?
Не такой ты, как мы, ты не желтый!
Из древесной коры твое мясо,
И, сдается, из масла – кости.
Если к нам ты пришел без злости,
Чтобы нашим стать сотоварищем,
С нами, желтыми, не лукавящим,
То на желтого сядь лончака,
Да сожми ему крепко бока,
И вокруг Желтого моря помчись,
И, пока мы глазом моргнем,
Ты на это же место вернись!»

Но не знали бесы о том,
Что он хитрым был колдуном!
Он на желтого сел лончака
И назад, где желтела река,
Желтым бесам глаза повернул.
Каждый бес только глазом моргнул,
А мальчишка на лончаке
Сделал вид, что вернулся к реке,
Что объехать успел неоглядное,
Желтоцветное море громадное!
Тридцать желтых бесов решили:
«Ты отныне – в нашем числе!»
Вшей собрали, подбросили гнили.
Стали пищу варить в котле.

Вот наелись они до отвала,—
Вся орава с урчанием встала.
Говорит Бухэ-Бэлигтэ:
«Тот, кто знает дороги вдоль моря,
Пусть меня за собой поведет».
С сотоварищем новым не споря,
Тридцать бесов пошли вперед,
Мальчугана ведя за собой.
Ближе, ближе морской прибой,—
И привстал на луке седла
Мальчуган, чьи хитры дела,
Сжал он плети своей рукоять —
Восемнадцать застежек на ней,—
Стал он Желтое море хлестать:
Желтых бесов, громко смеясь,
В пыль втоптал он, в желтую грязь!

Он сказал: «Ваши кончились козни!
Срок наступит близкий иль поздний
Вы не встанете больше со дна
Желтоцветного моря великого:
Это слово – на все времена!»
И сандаловою, целебною,
Тонкой палочкою волшебною
Он погладил Желтое море,
И оно очистилось вскоре,
И, сверкая своей желтизной,
Побежала волна за волной.

В путь пустился в тиши ночной,
И дошел, с наступленьем рассвета,
Он до моря синего цвета.
Не знавал он места пустынное,
А шулмусы там жили синие.
Чтоб живое спасти от хвори,
Синих бесов загнал он в море,
Придавил их синей скалой...
Новый день взошел над землей,
И до моря черного цвета
Он дошел с наступленьем рассвета
Черных бесов он истолок
И втоптал их в гальку-песок.

Язва страшная, моровая,
Праздник жизни уничтожая,
Нависала желтым туманом,
Трем грозя сопредельным странам.
Но в сосульку из серебра
Он вобрал туман ядовитый,
Выдул весь в океан ледовитый
Ради блага, ради добра!

Семьдесят телят

Старший брат Сэнгэлэна, Саргал,
Тот, что в Белой Стране обитал,
Где дороги белей облаков,
Белолиц и белоголов,
С книгой белых указов в руке, —
Порешил навестить Сэнгэлэна,
Что в изгнании жил вдалеке.
Оказалось, в тайге забвенной
Сын родился у старика!

Радость дяди была велика:
«Наступило благое время,
Начинает людское племя
Праздник жизни праздновать вновь,
Торжествует теперь любовь!
Ты, мой брат, со своей женой
Возвращайтесь ко мне домой,
Где пышна, многоцветна долина,
И отдайте мне вашего сына».

Сэнгэлэн и Наран-Гохон,
Столько лет проведя в глуши,
Были рады от всей души
Своему к домочадцам возврату.
Сына отдали старшему брату.

Голова Саргала бела,
А душа Саргала светла.
Вот он скачет к Белой Стране
На могучем белом коне,
И покой на земле у него,
И племянник в седле у него!

Но племянник неладно сидел;
Он изгадил накидку-дэгэл,
Измарала его пачкотня
Белошерстое тело коня...

У Саргала, страны властелина,
Было два сильноруких сына:
Старший воин – Алтан-Шагай,
Младший воин – Мунгэн-Шагай.
Говорит старик белоглавый
Сыновьям и всем домочадцам:
«Я приехал к вам с младшим братцем,
Он рожден для битвы и славы.
Но без имени храбреца,
Но без прозвища удалыца
Не бывает в доме отца».

Вот Саргал собирает в круг
Стариков и важных старух,
Собирает друзей и сверстников,
Сотоварищей и наперсников.
Он откормленных за девять лет
Режет жирных коров и быков,
Ибо пищи прекраснее нет
Для пирующих стариков.
Тридцать дней веселье идет,

Длится пиршество целый год,
А не могут люди достойные, —
Сообразно его уму,—
Выбрать имя сопливцу тому,
Чьи глаза – словно раны гнойные.

Но Саргал восклицает с болью:
«Нет без имени храбреца,
Нет без прозвища удальца!»
Он размером с шапку соболью
Ставит мясо средь пира веселого,
Ставит масло размером с голову,
Да еще со словами такими:
«Это мясо отдам тому,
Это масло отдам тому,
Кто племяннику моему
Наилучшее выберет имя!»

Белоглавый поднялся гость,
Опираясь на белую трость.
Посерел от годов старик
Дай ростом был невелик.
Много видеть ему довелось!
Головы его седина
Малахай пробила насквозь,
Ногти, чья непомерна длина,
Проросли сквозь его рукавицы.
Так сказал старик мудролицый:
«Он соплив, твой малыш озорной,
Некрасив, и в глазах его – гной,
Так Сопливцем – Нюсата-Нюргаем —
Мы отныне его называем».

«Верно! Верно! – кричат на пиру.—
Это имя будет к добру!»
Получил старичок седой
Масло с голову величиной,
Мясо величиной с малахай,—
Да растет Нюсата-Нюргай.

У Саргала скота немало,—
Охраняли три сына Саргала
Ровно семьдесят красных телят.
Старшим братьям сказал младший брат:
«Мы за стадом идем да идем,
Возвратимся ли скоро назад?
Так попробуем, братья, втроем
Мы съедим одного из телят».
Возражает Алтан-Шагай:

«Мы нарушим отцовский приказ».
Упрекает Мунгэн-Шагай:
«Будет мать сердиться на нас».
Отвечает Нюсата-Нюргай:
«Понапрасну волнуетесь вы!
Мы нарвем прошлогодней травы
Да набьем ею шкуру телячью.
Обещаю вам, братья, удачу:
Эту шкуру с истлевшей травой,
Как живую, пригоним домой».

Захотелось и старшим убоины,
По свежинке соскучились воины,
Но теленка зарезать боялись,
Мальчугану в ответ рассмеялись:
«Как ты знаешь, так поступай».
Побежал Нюсата-Нюргай
И схватил теленка за хвост,
Размахнулся до самых звезд,—
Эх, была в нем, как видно, силенка
И содрал он шкуру с теленка,
И набил ее старой травой.
Приказал: «Скачи да беги ты!»
И теленок, травую набитый,
Стал скакать, как будто живой.

Вот уселись они пред костром,
Был огонь и высок и светел,
И надели мясо на вертел,
И, как волки, наелись втроем.
От Сопливца двум старшим – почет:
Отдает им куски пожирней,
А себе похуже берет...
Много ль, мало ли минуло дней,
И сменялись ли быстро недели,—
Братья счет вести не хотят,
Не заметили сами, как съели
Шестьдесят и девять телят.
А вокруг пастухов этих сытых
Скачут, старой травой набитых.
Шестьдесят и девять телячьих
Красных шкур, немых и незрячих!

Старшим братьям сказал младший брат:
«Вы и сами, видать, не заметили,
Как изжарили мясо на вертеле,
Как вы, старшие, съели подряд
Шестьдесят и девять телят.
Нам остался семидесятый,

Да боюсь наказанья-расплаты».

Но хотелось двум старшим убоины,
И, не ведая удержу, воины
Закололи семидесятого,
Нежным мясом и жиром богатого.
Шкуру старой набили травой,
И теленок семидесятый
По приказу Сопливца-Нюсаты
Стал скакать, как будто живой.
Возвращаются братья домой,
Гонят семьдесят красных теней,
Прошлогодней набитых трухой.

Пастухи стали телом плотней,
А у мальчика вздулся живот:
Воду пьет он, и пьет он, и пьет...

Рассердилась мать: «Что с тобой?
От воды заболеешь сырой!»
Он в ответ: «Мои губы горят,
Все во мне сожжено до нутра,
Из семидесяти телят
Мы последнего съели вчера.
Слишком жирным то мясо было,
И от жажды я изнемог...»

«Говоришь ты неправду, сынок!
Только что я коров доила,
Все телята сосали вымя!»
«Не вернулись они живыми:
Мы наполнили шкуры травой
И погнали их с криком домой».

Удивилась добрая мать,
Ничего не могла понять,
На телят поглядеть захотела.
Поглядела и обомлела,
Не поверив глазам сперва:
Из телячьего каждого зада
Выползала труха-трава,—
Вот каким оказалось стадо!
А как выдернула траву —
Наземь семьдесят шкур повалилось!
Рассердилась мать, разозлилась,
Стала бить сыновей своих,
Вместе с младшим — и старших двоих.

Но Саргал пожалел сыновей,

И, едва отвернулась старуха,
Стал старик покашливать глухо,
Их из юрты увел поскорей.
А в душе старика – отрада:
«Сыновья растут у меня —
От врагов завидущих ограда,
От врагов загребущих броня!»

Часть 2

Саргал испытывает своих сыновей

Рано утром проснулся Саргал,
Напоил он Алтан-Шагая
Полной чашкой горячего чая,
К пяткам шило и нож привязал,
Посадил на четырехгодовалого
Необученного быка:
Испытать порешил он стрелка —
Сына старшего, доброго малого.

Говорит он сыну: «Вдвоем
На быках поедем верхом,
На деревья-кусты утром ранним,
На посевы китайские взглянем».
Едут-едут. Со всех сторон
К ним подходит тайга вековая.
Вот Саргал, белоликий нойон,
Вопрошает Алтан-Шагая:
«Для чего нам нужна тайга,
Чем для нас она дорога?»
И Алтай ответствовал: «Тут
Дерева для того и растут,
Для того и пригодны весьма,
Чтобы строить чертоги-дома».

Едут-едут. Со всех сторон
Обступает их ширь степная.
Вот Саргал, белоликий нойон,
Вопрошает Алтан-Шагая:
«Посмотри-ка на ровное поле.
Чем земля его хороша?»
Старший сын сказал не спеша:
«Распахать бы это раздолье
Да посеять бы добрую рожь:
Право, лучшей земли не найдешь!»

Едут-едут безлюдной тропой
И въезжают в ельник густой.
Вот Саргал говорит Алтану:
«Здесь на отдых с тобою стану.
Деревянный сделай котел.
Моего быка мы зарежем
Да насытимся мясом свежим».

Старший сын на землю сошел,
Деревянный сделал котел, —
А котел вместе с мясом сгорел.
Старец, мясо изжарив на вертеле,
Хорошо и сытно поел...
Старший сын на отца смотрел,
Старший сын остался голодным...
Так вдвоем на одном быке
Устремились к полям плодородным.
Вот хлеба встают вдалеке,
Нет посевам края-предела!
Вдруг Хитару-птица взлетела
Из высоких спелых хлебов.
Белолиц и белоголов,
Вздрыгнул старый как бы с перепугу,
И на всю заорал он округу.
То ли шилом, то ли ножом
Он быка уколол под лопатку.
Красный бык, в малолетстве своем,
Был еще не приучен к порядку,
Он взревел и пустился бегом,
Сбросил сына вместе с отцом.

Вверх тормашками лег Саргал,
Вкруг него в тоске зашагал
Безутешный Алтан-Шагай.
Умолял он: «Отец, вставай!»
То в ногах его, то в изголовье
Он рыдал, обливаясь кровью,
То назад идет, то вперед,
Как помочь отцу – не поймет.
А Саргала дума тревожит:
«Видно, старший сын не таков,
Чтоб защитой стать от врагов,
Он беду одолеть не может!»

Он со старшим вернулся домой.
Снова утро вошло над землей, —
Стал испытывать среднего сына,
Но отца охватила кручина:
«Не сумеет Мунгэн-Шагай
Защитить отеческий край
От могучих, злобных врагов!»

Белолиц и белоголов,
Недовольный, вернулся домой.
Третье утро вошло над землей, —
Начал старец, гласит преданье,

Сына третьего испытанье.

Добрались до высоких берез,
До лесов, где листва густа.
Задал сыну отец вопрос:
«Что ты скажешь про эти места?»

«Всю березовую чащобу
Надо выкорчевать без остатка.
Коль обрушит враг свою злобу,
Будет поле ровно и гладко,
Пригодится для правой войны.
Чтобы были враги сметены,
Чтобы мы одержали победу...
С этой мыслью, разумом слаб,
По местам березовым еду».

Вот погнали дальше быка,
Доскакали до сосняка,
Где прекрасны багрец сосновый,
Твердых лиственниц высота.
И отец вопрошает снова:
«Что ты скажешь про эти места?»

«Надо нам, чтобы жить в тиши,
Нашу землю обезопасить.
Эти лиственницы хороши,
Чтоб врагов завидущих дубасить,
Пригодится нам и сосна,
Если с недругом будет война».

Едут-едут, заботы отбросив,
Добрались до высоких колосьев:
Нет посевам края-предела!
И Хитару-птица взлетела
Из хлебов, что поспели вокруг.
Красный бык испугался вдруг,
Побежал, четырехгодовалый,
Стал топтать деревьев завалы,
Сбросил двух седоков, и упал
Вверх тормашками старый Саргал:
Затвердели белки его глаз,
Смерть неожиданная, что ли, стряслась!

Встал Нюсата, глядит удивленно
На недвижимое тело нойона.
Он кричит: «Поднимись, отец!»
Но Саргал молчит, как мертвец.
Трижды сын повторил свой крик,—

Ничего не слышит старик.
Стал тогда размышлять Нюсата:
«Как затмилась отцова судьба?
Если б здесь, где земля богата,
Не взрастили соседи хлеба,
Не вспорхнула б Хитару-птица.
Если б здесь не могла гнездиться,
То быка не повергла б в испуг.
Если б бык нас не сбросил вдруг,
Не скончался бы мой отец!»

К этой мысли придя наконец,
Красной плетью взмахнул он умело,
Из древесных она ремней,
Восемнадцать застежек на ней!
Препоясал могучее тело
Он березою, рослою, белой,
Вырвал лиственницу для опоры
И подумал: «Время пришло,
Чтоб свершить заповедное дело.
Перед тем как в землю зарю,
Я воздам почет властелину:
Серебром его плечи покрою
И покрою золотом спину».

Две полы завернул за кушак,
До локтей засучил рукава
И отправился юный смельчак,
Чтоб свои защитить права,
В государство китайского хана.
Шел и шел – и пришел утром рано
В государство китайского хана.
Во дворец он вступил старинный,
Молвил хану среди дворца:
«Ваши подданные повинны
В том, что я потерял отца.
Я теперь его в землю зарю,
Но сперва, как следует сыну,
Серебром его плечи покрою
И покрою золотом спину».

Согласился властитель державы
С ясной речью: «Мы были неправы,
Ведь на вашей земле мой народ
Сеет злаки из года в год.
Ты получишь в этот же день
Серебро и червонное золото.
Своего отца ты одень
В серебро и червонное золото.

Разукрась его тело богато
Да в могилу зарой в горький час.
А теперь я составлю указ,
И с тобой, лишь его составлю,
Наших поданных я отправлю».

Испугались люди Китая,
Нагрузили они, не считая,
На возы серебро и золото,
С ними вместе поехал Нюсата.
До китайских добравшись колосьев,
Яму вырыл он острой лопатой,
Рядом шапку дырявую бросив.
Удивляются люди Китая,
Серебро и золото кидая:
«Не наполнится шапка никак!»
Преподносят они кушак,
Расстилают шелк-чесучу,
Говорят с мольбой силачу:
«Нас, что ради посевов пришли,
Со своей не гоните земли!»
В путь пустились – и скрылись вдали.

Исполняя сыновний долг,
Дорогого отца Нюсата
Облачил в чесучу и шелк,
Облачил в серебро и золото,
Порубил он деревья лесные
Вместе с ветками, вместе с корнями
И сухие стволы, и сырые,—
И разжег высокое пламя.
Заплясал огонь, засверкал,
От огня отшатнулся Саргал,
Закричал: «Ой, смерть горяча!»
Побежал, и с его плеча
Стали падать шелк, чесуча,
Серебро и червонное золото.
Младший сын старика поймал
И воскликнул: «Я помню свято,
Что беда для всего живого,
Коль мертвец оживает снова».

Он отца поднимает опять,—
Он сейчас в огонь его бросит,—
Но отец умоляет-просит:
«Ты не должен меня сжигать,
Я не мертв, прости мне причуду,
Притворяться больше не буду!»

Так старик просил Соплячка,
Перетряхивая кисет.
Сын кивнул головой в ответ.
Нагрузили они быка
Шелком, золотом, серебром,
А потом уселись вдвоем
И быка погнали домой.
Так подумал Саргал седой:

«Младший сын у меня растет,
Для народа – броня-оплот.
Всех врагов одолеть он может,
Все напасти он уничтожит».

Облава на зверя

Было радостным возвращенье:
Младший сын испытанье прошел!
Вот хозяйка свое угощенье
На серебряный ставит стол,
Накрывает стол золотой,
Угощает питьем и едой.
Вот уселись они впятером:
Старики – за одним столом,
За другим столом – сыновья.
Вдоволь пищи, вдоволь питья!
Как насытился старый Саргал,
Погрузился он в размышленья.
Он любимую трубку достал,
Что казалась не меньше тюленя,
Серебром в руке поиграв,
Из огромного, как рукав,
Темно-бархатного кисета
Трубку красным набил табаком:
Будто всыпал копну целиком!
Он огнивом жемчужного цвета
Высек яркие искры огня —
Пламя вырвалось из кремня.
Затянулся он куревом чистым,
Начал с шумом, выдул со свистом,
А как выдул дымок, был он цвета
Загорающегося рассвета.

Солнце желтое скрылось во мгле.
Серый сумрак настал на земле.
Лег старик на высокое ложе,
Чтобы нежиться в мягком тепле.

Соболиное одеяло
И бобровое одеяло
Хорошо укрывали Саргала!

Вот и новое утро настало,
Нежно-нежно лучи заблестели.
Все, покинув свои постели,
Вышли в лес – духovitый, густой.
Родниковой умылись водой,
Причесались и приоделись.
Сели вместе за стол золотой,
Вкусной, сытной пищей наелись,
За серебряный сели в радости,
Ели сахар и всякие сладости.

Вот Саргал, отраду вкушая,
Посылает Алтан-Шагая
К дяде, к черному Хара-Зутану:
«Ты поведай дядюшке-хану:
Опротивела мне бычати́на,
И я вспомнил, что замечательно
Лишь таежного зверя мясо.
Так начнем же с этого часа
На таежного зверя облаву,
Поохотимся вместе на славу!»

Старший воин был сыном послушным,
Перед дядей своим криводушным
Он предстал с отцовским наказом.
Был доволен Хара-Зутан:
То он шурился хитрым глазом,
То причмокивал языком:
Он мечтал об известье таком!
Вверх посмотрит – громко смеется,
Вниз посмотрит – в кашле трясется.

Наилучшего из коней,
Что откормлен был для облавы,
Сто и двадцать неспешных дней
Поедавшего сочные травы,—
Он поймал среди чащи густой
Недоуздом из серебра.
Обуздал вороного уздой,
Сотворенной из серебра.
На коня, что к походам привык,
Он из шелка накинул потник,
Оседлал вороного седлом,
Что сверкало литым серебром.
Для коня, чья скачка быстра,

Есть нагрудник из серебра
И подхвостник из серебра:
За стремительных десять лет
Не ослабнут они на нем.
Подтянул он на вороном —
Да за двадцать стремительных лет
Не ослабнет она на нем —
С двадцатью ремешками подпругу.
Место поводу-полукругу
За седельной нашел он лукой.
Там и место для плетки тугой.

Он лицом становится к югу,
Он в серебряный бубен бьет,
Собирает южный народ,
В золотой он бьет барабан —
Население северных стран
Собирает Хара-Зутан.
Ловчих кличет он слева и справа,
Говорит, красноречьем блистая,
Что на зверя пойдет облава,
Что поедут по склонам Алтая.

В этот самый миг прискакал,
Позади усадив Нюсату,
К черноликому младшему брату
На коне белоснежном Саргал.
Для привета-рукопожатья
Заключил он брата в объятия,
И решили радостно братья:
«Пусть другие едят на здоровье
Мясо бычье, мясо коровье,
Мы желаем с этого часа
Только зверя таежного мясо.
На заре и в молчанье ночном
Мы таежничать вместе начнем
На алтайских тринадцати склонах,
На высоких отрогах зеленых!»

Вот по северным склонам Алтая
Поскакал по таежной земле
Хан Саргал, зверей настигая,
Младший сын – у него в седле.
На охоте мальчику любо
Драгоценных ловить соболей,
Бить медведей-богатырей:
Пригодится черная шуба!
Удивлялась тайга вековая:
Ребра-спину медведям ломая,

Предлагал он спутникам мясо,—
Так, оставшихся без припаса,
Он кормил людей своих свежим —
Прямо с вертела – мясом медвежьим,
Отдавая встречным излишки.

Был Хара-Зутан огорчен:
Даже из носу черной мышки
Капли крови не пролил он.
Где теперь его красноречье!
Он Саргала спросил при встрече:
«Старший брат, по какой причине
Без добычи еду я ныне,
А твоей добычи – не счесть,
Так и хочется всю ее съесть!»

Был доволен добрый Саргал,
Стал расхваливать младшего сына:
«Не досталась и мне дичина,
Я и сам ничего не поймал,—
Ловок, зорок, удачлив Нюсата,
И добыча его богата».
Умоляет старшего брата
Криводушный Хара-Зутан:
«Пусть поможет мне сын твой младший,
Без него мне не будет удачи!»
Пожалел Зутана Саргал,—
Сыну младшему приказал,
Чтобы с дядей охотился вместе...

Только сел Соплячок в седло —
Из-под мальчика потекло
И по ребрам коня, и по шерсти.
И, почуяв зловонье резкое,
Сотоварищем смрадным брезгуя,
Отшатнулся Хара-Зутан,
И племянника к брату отправил,
От зловонья себя избавил.

Посреди густолиственной тени
Мальчугана к себе на колени
Усадил белоглавый Саргал,—
Мальчуган коня измарал.
Но глядит Саргал: то не кал —
Испускает щедро Нюсата
Серебро и червонное золото!

Испугает ли всадника вонь,
Если белый, сияющий конь

Весь – от гривы до крепких копыт
Серебром и золотом покрыт!
Так, довольный охотой-облавой,
Ярким золотом-серебром,
Мчался-ехал Саргал белоглавый
С тем удачливым сыном вдвоем.

Встреча с царевной Тумэн-Жаргалан

От владений Саргала вдали
Там, где северо-запад земли,
Гордый хан Турушхэй-Баян
Объявил указ-приказанье:
«Кто, участвуя в состязанье,
Три награды сумеет взять,
Тот в мой дом да вступит как зять,
Назовет мою дочь женою!
Так Тумэн-Жаргалан светла,
Что лица своего белизною
Наполняет все зеркала,
А ее походкою плавной
Околдован дворец мой славный,
И на многие тысячи лет
Ей ниспосланы счастье и свет!»

Как дошло до Сопливца неожиданно
Повеленье могучего хана,
Порешил Нюсата-Нюргай
В полуночный отправиться край
И участвовать в состязанье.
Испросил Соплячок у отца
Изволюсь-благопожеланье
В ту далекую землю отправиться,
Пусть женой ему станет красавица!
Порешила Тумэн-Жаргалан
Поскакать в это время весеннее
На моление-поклонение,
Блиzkих родичей навестить,
Погостить у них беззаботно.
Вот из бычьей кожи суму
Нагрузила золотом плотно,
Вот из конской кожи суму
Серебром нагрузила бессчетно,
Поклонилась отцу своему,
Чтоб сказал ей напутствия слово,
Скакуна снарядила гнедого
С тридцатисаженым хребтом,—

Поскакала знакомым путем.
Прозорливым умом обладая,
Догадался Нюсата скоро,
Что спешит из далекого края
Конь гнедой, с быстротой облета:
Расстоянье в три кругозора,—
И помчался навстречу царевне.
Там, где путь пролегает древний,
На дороге владык малолюдной,
На дороге народа простого
Он коня увидел гнедого,
Повстречался с красавицей чудной,
Он учтивую речь произнес,
Он ей вежливо задал вопрос:

«Вы какого племени-роду?
Из какой реки пьете воду?
Как зовут вашу добрую мать?
Как отца почтенного звать?
Кто ваш хан? Где ваше жилье?
Назовите мне имя свое!»

Соплячку удивилась царевна,
Но сказала спокойно, безгневно:
«Я из дальних приехала стран.
Мой отец – Турушхэй-Баян.
Я царевна Тумэн-Жаргалан.
Там, где сходится север с закатом.
Во дворце родилась я богатым...
Из каких вы едете мест?
Для какого скачете дела?»

Вновь красавица поглядела,—
Никого не видно окрест,
Лишь наглец поперек пути —
Не проехать и не пройти!
И сказала, дрожью объята:
«Мне поручено вам привезти
Серебро и червонное золото».

Так, напугана тем Соплячком,
Две сумы, набитых битком,
Отдала ему ханская дочь,
Чтоб Сопливец убрался прочь!
На коня навьючил Нюсата
Серебро и червонное золото:
«Милой матушке дар я доставлю
И направлю обратно коня.
Здесь, красавица, жди ты меня».

Поскакал домой мальчуган,
А царевна Тумэн-Жаргалан
У родных обрела приют,
И снедала ее досада...
Возвратился назад Нюсата,
А слова его жалят и жгут:

«Если женщина нравом беззлобна,
То в дому ее дети шумят.
Если женщина суке подобна,
То она производит щенят.
Удивительны в мире дела:
Дочка хана щенка родила!
Род – высокий, а нрав-то – сучий:
Нехороший, неслыханный случай!»

И Тумэн-Жаргалан, чья краса
Озарить могла небеса,
От позора-стыда запылала,
Потеряла власть над собой
И упала к ногам зубоскала,
Обратилась к нему с мольбой:

«Всех людей, чьи чисты сердца,
Превзойдите делами благими!
Вы мое не позорьте имя!
Как дойдет до хана-отца
Эта злобная черная весть,
Молодой головы мне не снести!»

Так в смятенье, в тревоге душевной,
Умоляла его царевна,
У Сопливца валялась в ногах,
Обливая слезами прах.
Крепко сердце Нюсаты забилося,
Докрасна оно раскалилось,
Излучая сияющий свет.
Он сказал царевне в ответ:
«Разве я тебя опозорю?
Твоему помогу я горю,
Если стану тебе родным,
Если головы соединим,
Две судьбы сольем воедино».

Дочь Баяна, дочь властелина,
Простодушна была и невинна,—
Согласилась царевна с ним:
«Как созреем для этого дела —

Для единой судьбы-удела,—
Наши головы соединим».

Речь заводит Нюсата снова:
«Коль сказала ты верное слово,
Коль дала обещанье святое,
То вручи мне кольцо золотое,
Что на правой ты носишь руке,
Что на пальце твоём безымянном».

От родных и друзей вдалеке,
На дороге, повитой туманом,
Растерялась Тумэн-Жаргалан,
И кольцо она с пальца сняла
И Сопливцу кольцо отдала.
«За тобою примчусь: жди меня
У себя через два-три дня»,—
Так Нюсата сказал озорной,
Провожая царевну домой.
Произнес он эти слова,
И при помощи колдовства
Превратился он в муху черную.
Как царевна поводья взяла
И пустилась дорогой торною,
Сел он к ней на луку седла.

Разгадал ее думы Нюсата:
Дочь могучего хана сочла,
Что она грешна, виновата
В том, что верное слово дала,
Отдала золотое кольцо.
Было скорбным ее лицо:
«На него противно смотреть.
Стать Сопливцу женою – горе.
Лучше мне сейчас умереть,
И с утеса я брошусь в море».

На скалу взобралась крутую,
Чтоб низринуться в бездну морскую,
Вдруг Нюсата схватил гнедого
За его шелковистый хвост
И сказал душевное слово:
«Не иди ты путем обмана.
Не пристало дочери хана
Обещанье свое нарушать!» —
И коня повернул он вспять.
Испугалась дочь властелина:

«Здесь, где моря шумит пучина,

Захотелось мне умереть,
Но дала я верное слово
И его не нарушу впредь».
И к пределам края родного
Погнала царица гнедого,
А Нюсата вернулся домой.

Кончен горный путь и степной,
И предстала она перед ханом,
Пред отцом Турушхэй-Баяном,
О неожиданной поведала встрече.
Хан Баян, услышав эти речи,
Приласкал, успокоил ее,
Пожелал ей счастья и мира,
Приказал, чтоб для праздника-пира
Приготовили яства-питье.

Прибытие женихов

До Зутана дошел в некий час
Турушхэй-Баяна указ.
Порешил криводушный хан,
Что пора добыть ему счастье,
В состязанье принять участие,
В жены взять Тумэн-Жаргалан.
Он велел коня черной масти
Снарядить в поход поскорей —
Пусть к царевне свой бег направит,
И решил Зутан, что возглавит
Триста воинов-богатырей.
Стал просить Нюсата-Нюргай:
«В этот северо-западный край
Вместе с вами, дядя, поеду,
Может быть, я добуду победу».
Рассердился Хара-Зутан,
И не внял он просьбе-желанью,
А прогнал племянника с бранью.

Возвратился Нюсата домой.
Там, на тоненьких ножках, худой,
Серой масти плелся лончак,
Замедлял ослабелый шаг.
Вот и лошадь для Соплячка!
Серомастного лончака
Он седлает седлом дрянным
С потником, но волосяным.
Был из шкурок мышинных – подхвостник,

Был из сусличьих шкурок – подгрудник,
А подпруга, хотя и крепка,
Да из шкурок была колонка,
А из шкурки бурундука
Он к седлу приделал подкладку.
Он сказал: «Снарядил скакуна,—
Хоть на праздник помчится, хоть в схватку,
Но и мне одежда нужна,
Снаряжусь и я для порядку».

Позаботился он об одежде,—
Он мышинные шкурки надел.
Застегнул накидку-дэгэл
Из обрезков-лоскутьев кожи.
Малахай, на колоду похожий,
Он на голову натянул.
Он из ивового куста
Лук и стрелы сработал спроста.
Был в глазу его правом гной —
В бабку конскую величиной.
Был в глазу его левом гнойник
Как пчелы разбухшей двойник.
Он, прищурясь, оглядывал разом
Запад неба своим правым глазом,
А прищурив левое око,
Он высматривал небо востока.
В путь, который ему был неведом,
На трепещущем лончаке
Он за дядей отправился следом,
А Зутан скакал вдалеке.

Край родной – за его спиной,
В горный край он вступает чужой,
А не видно Хара-Зутана.
Вдруг примчались три великана:
Глянешь спереди – горные кряжи,
Если сзади посмотришь на них,
То не сыщешь сравнения даже!
Лица алые – цвета заката,
Каждый зуб во рту – как лопата.
Имена этих трех силачей;
Нагадай-Мэргэн-дэгэй,
Солнца светлого сын молодой,
И Сэсэн-Мэргэн-дэгэй,
Тот, который рожден звездой,
И Сайхан-Мэргэн-дэгэй —
Крепкостанный отпрыск луны.

Трех светил удалыцы-сыны

Громко крикнули, вопрошая:
«Эй ты, черная тварь земная,
Средь безлюдных гор и равнин
Далеко ли ты едешь один?»

«Еду в край Турушхэй-Баяна,
Чтоб жениться на дочери хана,
На прекрасной Тумэн-Жаргалан».
В гнев и ярость три великана
От такого ответа пришли:
«Ах ты, черная тварь земли!
Удальцы, что тебя почище,
К ней не смели приехать в дом!» —
И огрели Нюсату кнутом
С тамарисковым кнутовищем,
И, помчавшись, над горным хребтом,
Словно горы, они возвышались,
За вершины порою держались,
И верхушек деревьев касались,
И деревьями сами казались.
Вслед за ними – Нюргай, и неожиданно
Он догнал нойона Зутана,
Но поплелся с опаскою сзади,
Побоялся приблизиться к дяде.

Так приехали в те места,
Где ни дерева, ни куста.
Холод в этой глуши окаянной!
У нойона Хара-Зутана
Все замерзло: и меч, и броня,
И в колчане стрелы, и тело,
И одежда на нем задубела,
А согреться нельзя: нет огня!

Не горюет Нюсата отважный:
Он с собой взял огонь очажный.
У огня, посреди дороги,
Греет руки и греет ноги.

А Зутан, увидев дымок, —
В чем тут дело, понять не мог.
Повелел он воинам: «Надо
Расспросить и услышать слова:
Где Сопляк раздобыл дрова?» —
И послал половину отряда.
Прискакали сто пятьдесят,
На огонь с удивленьем глядят.
Говорит им Нюсата невинно:
«Там, за горным хребтом, – седловина,

Там простерлась Долина Седла.
Значит, седла мы там добудем,
Так к чему же хорошим людям
Замерзать-пропадать без тепла?
Я свое разрубил седло
И разжег-раздобыл тепло».

Удивились сто пятьдесят,
Обогрившись, вернулись назад:
«Нам сказал Соплячок озорной,
Что Долина Седла – за горой,
Значит, седла найдутся для нас,
Так зачем же мерзнуть сейчас?
Он свое разрубил седло
И разжег-раздобыл тепло».
Хан ответил своим удальцам:
«Я об этом подумал и сам.
Надо седла скорее рассечь,
Надо пламя пожарче разжечь!»

Засверкало утро багряно,
Осветились зарей облака.
Встал Нюсата-Нюргай раным-рано,
Не дождавшись Хара-Зутана,
Оседлал седлом лончака,
И в Долину Седла, за горой,
Поскакал, облитый зарей.

А за ним копыта гремят:
То Хара-Зутана отряд
Поскакал в Долину Седла.
Там и оторопь всех взяла:
Ни для воина, ни для владельца
Ни седла не видать, ни седельца!
Происшествием этим расстроены,
В путь без седел двинулись воины
И достигли места ночевки.
Посмотрели – Сопливец ловкий
У огня, наслаждаясь, прилег,
А над пламенем вьется дымок.

Прискакал к Сопливцу отряд.
Удальцы, дорогой измучены,—
«Где огонь раздобыл?» – говорят.
А Нюсата: «Возле излучины
Мы увидим Долину Лука.
Там окончится наша мука,
Там отыщем и лук и колчан,—
Потому-то поджег я стрелы».

Как услышал Хара-Зутан,
От мороза осатанелый,
Те слова, он сказал удальцам:
«Догадался об этом я сам,
Ведь племянника я поумней!
Разрубите стрелы и луки,
Разведите огонь посильней, —
Отогреем ноги и руки!»
Триста воинов-богатырей
Разрубили луки и стрелы,
Развели веселый огонь, —
Да согрется ослабелый
Каждый воин и каждый конь!

Вот поели, спать улеглись.
Разбудил их рассветный туман, —
На конях вперед понеслись.
Поутру и Нюсата встает.
Все при нем – и лук и колчан.
Устремился и он вперед.
Вот синее речная излука.
Он вступает в Долину Лука.
Как он въехал в нее, посмотрел
На несчастных воинов дяди:
Нет ни седел, ни луков, ни стрел,
Нелегка их дорога к награде!

Хоть страна Турушхэй-Баяна
Далека была и пространна,
А достигли ее наконец,
А доехали быстрой рысью.
Увидали под самой высью
Удивительный ханский дворец:
Золотая сзади стена,
Озаряет ярко она
Полуночные племена,
А серебряная стена,
Та, что спереди возведена,
Озаряет с утра допоздна
Все полдневные племена.
Сотни окон ярусов верхних
Свет небес вбирают в себя.
Сотни окон ярусов нижних
Свет земли вбирают в себя.
На лугах тучнеют отары
И пестреют стада-табуны,
Веселятся малый и старый, —
Весь народ огромной страны.

Вот Хара-Зутана отряд
Достигает дворцовых врат.
Триста воинов верховых
Привязали коней боевых
К яркой коновязи из золота.
Привязал и Сопливец-Нюсата
Неказистого лончака,
Чьи совсем отощали бока.
На племянника Сопляка
Родич-хан рассердился тогда,
Закричал предводитель отряда:

«Эй, источник зловония-смрада,
Для чего ты приехал сюда?
Или желтой своей пачкотней
Шелк наш хочешь измазать цветной?
Или наши решил имена
Ты унижить на все времена?
Иль задумал низвергнуть в грязь
Нашу славу, что ввысь вознеслась?
Нашу власть не засыплешь ли перстью?
Нашу честь не покроешь ли шерстью?»
Так племянника дядя порочит,
Так он гонит племянника прочь.
Уходить Нюсата не хочет,
Взять он хочет ханскую дочь!

В это время в страну Баяна
Прискакали три великана,
Сыновья светил вековых.
Все увидеть хотят, всем желанно
Состязание пятерых!
У дворца, на зеленом пространстве,
В наилучшем, нарядном убранстве,
Любопытный толпится народ:
Из пяти кто прославится в ханстве,
Кто из них три награды возьмет?

Горла бычьи, толстые шеи,
Стрелы – птиц, парящих быстрее,
У троих – округлые руки,
У троих – бухарские луки,
У троих – налучник изогнут,
Их сердца в поединке не дрогнут,
У троих – багряные лица,
Будут насмерть воители биться!

Четыре условия Баян-хана

Три стрелка, отвагой горды,
Дети солнца, луны и звезды,
Во дворец Баян-хана вошли.
Вслед за ними вступил четвертый —
Хан Зутан, властитель земли,
Далеко отселе простертой.
Вслед за ним появился пятый:
Наступил черед и Нюсаты.

Он хангайскую дверь толкнул,
Чьи жемчужины как росинки,
Через порог он перешагнул
Бело-мраморный, без соринки.
Перед ханом предстали все пять.
Кто из воинов – будущий зять?
Возгласили привет по-хански,
Поздоровались по-хатански,
Турушхэй-Баян величаво
Встретил воинов пятерых,
Посадил их с почетом справа
И степенно спросил у них:

«Далеко ли ваша держава?
Из каких вы пришли долин?
Кто над вами хан-властелин?»
«Я – могучего солнца сын,
Нагадай-Мэргэн-дэгэй».
«Я – луной рожден молодой,
Я – Сайхан-Мэргэн-дэгэй».
«Я – рожден высокой звездой,
Я – Сэсэн-Мэргэн-дэгэй».
«Я – глава тэгэшинских людей,
Именитый Хара-Зутан,
Знаменитый делами своими».
«Я – пастух тэгэшинских коней,
И Нюсата-Нюргай – мое имя».
«Для чего вы пришли издалече
И о чем поведете вы речи?»
«Мы приехали для сватовства,
О женитьбе скажем слова», —
Так воскликнули впятером.
Был ответ Баян-хана таков:
«Мы из множества скакунов —
Отберем с ветерком в ногах.
Мы из множества женихов —

Отберем с огоньком в глазах.
Эй, мои силачи-воители,
Эй, глашатаи-возвестители,
Объявите слова указа:
Кто победу одержит три раза —
Силой, ловкостью или оружием,—
Станет ханской дочери мужем!»

Крепкостанны, широкоплечи,
Возгласили глашатаи речи,
Чтобы каждому было внятно:
«Богатырь, победив троекратно,
Ханским зятем станет с тех пор.
Вот он, первый великий спор:
Камень, величиною с быка,
Чьи черны и гладки бока,
Надо так прострелить красиво,
Надо вдребезги так разбить,
Чтоб хороший кремень для огнива
Из огромного камня добыть.
И второго великого спора
Вслед за тем наступит черед:
Там, где ширь степная, привольная,
Там и листовница крепкоствольная
Одиноко в поле растет.
Чья стрела, устремясь вперед,
Этот ствол в щепу разнесет?
И великого третьего спора
Вслед за тем наступит черед:
Кто стрелой меткой пробьет
Золотой росомахи нору,
Тот и выиграет игру!»

Возвестили ханский указ.
Раздались веселые крики:
«Состязанье начнется сейчас!
Кто же станет зятем владыки?»

Услыхав условия хана,
Растерялись три великана,
Друг на друга глядят, смущены,
Трех светил удалые сыны.

Натянул тогда Соплячок
Жалкий ивовый свой лучок.
«Всем ли можно принять участие —
Испытать в состязании счастье?» —
Задаёт он хану вопрос.
Рассмешил он людей до слез,—

Разрывались от смеха на части.
«Посмотрите, какие страсти!
Тварь ты черная, молокосос!
На сопливый взгляните нос!» —
Издеваясь, кто-то орет.
«На слюнявый взгляните рот!» —
Кто-то громко, долго хохочет.
«Победить в состязании хочет,
А взгляните на правый глаз, —
Он повернут на запад сейчас!»
«Нет, взгляните на левое око, —
Смотрит око на небо востока!
Право слово, и смех и грех,
До чего же парень беспечен!»
Так смеялись в толпе, что у всех
Разорваться могла бы печень.

Отпрыск солнца, чья мощь велика,
Нагадай-Мэргэн-дэгэй
Стал стрелять раньше всех мужей
В камень, величиною с быка,
Но стрела о камень разбилась,
И стрелка охватила унылость.
Вот Сайхан-Мэргэн-дэгэй —
Сын луны – стрелу побыстреей
Направляет издалека
В камень, величиной с быка.
Пораженья не знал он доселе,
Но упала его стрела
В десяти сажнях от цели.
Вот Сэсэн-Мэргэн-дэгэй —
Сын звезды – стрелу поскорей
Направляет издалека
В камень, величиной с быка,
Но сквозь камень ей не пройти:
В прах зарылась на полпути.
Загрустили сыны трех светил.
Криводушный Хара-Зутан,
Прошептав заклинанье, пустил
В черный камень стрелу Хангая,
Но пробить она цель не могла,
Но расплющилась эта стрела, —
Только пыль поднялась густая.
Наступает Нюсаты черед.

Он сказал, выступая вперед:
«Кто храбрец-богатырь прирожденный,
Тот получит красавицу в жены!»
Натянул он лучок из ивы

И стрелу приложил, сопливый,
Вытер губы и вытер нос,
Заклинание произнес
Над стрелой, над ее опереньем,
Он своим заклятьем-моленьем
Вызвал дым и сверкающий пламень:
«Ты пронзи, стрела, черный камень,
Послужи мне, мой слабый лук!»

Смех, издевки слышны вокруг,
А Сопливец-Нюсата вдруг
Распрявил во всю мощь плечо,
И стрела взвилась горячо,
Из-под пальцев взлетела двух —
Указательного и большого,
Шумом-свистом наполнила слух.
Раздробила она, искромсала,
Превратила в кремень для кресала
Камень, величиною с быка,
Чьи черны и гладки бока!

По степи полетела привольной,
В сердце лиственницы крепкоствольной,
Одиноко растущей, вошла, —
И в щепу ее превратила
Неказистая эта стрела!
Загудела на вешнем ветру,
Засвистела она, и пробила
Золотой росомахи нору,
И упала во внешнее море,
И, омыв свою спину и грудь
Распрявив на вольном просторе,
Устремилась в обратный путь,
И в колчан полезла со звоном,
На глазах у владыки страны,
Пред народом его изумленным:
Сопляком, невесть где рожденным,
Великаны посрамлены!

Не хотел Турушхэй-Баян-хан,
Чтоб царевна Тумэн-Жаргалан,
Чтоб красавица стала женой
Сопляку, в чьих глазах – желтый гной
Он четвертое, сдвинув брови,
Полушепотом ставит условие:
«Я тому отдам свою дочь,
Кто сумеет всех превозмочь,
Кто, сварив, разделит барана
И, пока мы глазом моргнем,

Кто накормит сидящих кругом
Десять сотен подданных хана».

Так Хара-Зутан порешил:
«Мне для этого хватит сил!»
Приложил он свое старанье
И короткого мига быстрей
Разделил он мясо баранье
Между тысячью ханских людей,
Всем по равной он выдал доле.
На крыльцо вышел хан Баян:
«Хорошо ли зарезан баран,
Разделили его хорошо ли?»
А Нюсата-малец: «Хан-отец,
Иль у ваших баранов-овец
Есть у всех по тысяче ляжек?
Посмотрите, что мне дано!» —
И баранье он поднял стегно.
Покачал головой хан Баян:
«Видно, плохо разрезан баран!» —
И пошел к себе во дворец.
А Нюсата-малец: «Хан-отец,
Каждый вправе ли в этом собранье
Попытать уменье и счастье —
Во мгновение мясо баранье
Разделить на равные части,
Накормить десять сотен людей?
Докажу вам свою умелость!»
Властелину страны не хотелось,
Чтоб добыл награду Нюргай,
Но сказал: «Раздели и раздай».

И моргнуть не успели глазом,
Как на тысячу равных частей
Разделил он барана разом,
Разделил, накормил людей:
Победил Соплячок-чудодей!
Делать нечего: должен хан
Дочь-царевну Тумэн-Жаргалан
По словью отдать Нюсате...
О таком ли мечтал он зяте!
Некрасиво его лицо,
Но на пальце его безымянном
Хан узнал золотое кольцо.
Нет, жену он добыл не обманом!

Тесть и зять пожали друг другу
Богатырскую правую руку,
Изрекли слово правды и чести,

В вечной верности поклялись,
На охоту отправились вместе,
Соболей они били и лис,
А потом за столами воссели,
Всех позвали на свадьбу-веселье.

Восемь дней пирование длилось,
Девять дней страна веселилась,
На десятое утро, едва
После пиршества-торжества
Все пришли в себя понемногу,
Собираться стали в дорогу
Обитатели разных стран:
Север звал к себе северян,
А южане пустились на юг.
И когда опустело вокруг,
Начал думать Нюсата-Нюргай
Об отъезде в родимый край,
Тестю молвил он, полный томленья:

«Как пятнистый детеныш оленя
Загрустит, потеряв свою мать,
Так, покинув свой край родной,
Человек, даже самый дурной,
На чужбине начнет горевать.
Может лося берцовая кость
Уместиться в малом котле?
Человек, даже если он гость,
На чужой уживется ль земле?»

Говорит в ответ ему тесть:
«Ум и правда в словах твоих есть».
На две части он делит народ,
Половину людей царевне
Он в приданое отдает.
Он велит в арбу из железа
Иноходцев-коней запрягать, —
Да воссядут царевна и зять!
Проводив их за три кругозора,
Хан Баян вернулся назад.
А Нюсата восторгом объят:
Он увидит родину скоро!

Четырех победив удальцов,
Он вкушает почет и славу.
Пред собой выставляет заставу,
А в заставе – десять бойцов.
За собой выставляет заставу,
А в заставе – двадцать бойцов.

Вместе с ним – стада-табуны,
И народ его юной жены
Наполняет холмы и долины.
Он в пределы родной страны
Возвращается из чужбины!

Вот и путь на исходе длинный,
И жене говорит супруг:
«Там, где мною начертан круг,
Будет дневка вам, остановка,
Где черту увидите вдруг,
Там и будет ваша ночевка».
Так сказав, простился с женой,
Поскакал поспешно домой.

Как приехал он в край родной,
Обо всем отцу рассказал.
Был доволен старый Саргал.
Вот он в бубен серебряный бьет
Созывает южный народ,—
Вот он бьет в золотой барабан
Созывает старик северян.
Он велит, чтоб лилось вино,
Как широкая влага озерная,
Чтобы, словно вершина горная,
Было мясо вознесено!

Наполняя земную ширь,
Шли богатые, шли убогие.
Приводил слепца поводырь,
На конях приезжали безногие.
Прибывал любопытный люд
Из далеких и близких стран:
Все в одеждах праздничных ждут
Дочь Баяна Тумэн-Жаргалан.

А она продвигалась вперед,
И стада ведя и народ.
Где черту наметил супруг,
Там красавица ночевала.
Где Нюсата вывел свой круг,
Останавливалась для привала.
Вот узнал белоглавый Саргал,
Чистотой сияя душевной,
Что уже недалёко царевна,
И навстречу ей поскакал.

Так Тумэн-Жаргалан и Нюсата
Сочетали две головы.

Пир гремел с утра до заката
Посреди зеленой травы.
Сэнгэлэна благословенье
Услыхала эта чета:
Да упрочится соединенье
И да будет их жизнь чиста!

ЧАСТЬ 3

Царевна Урмай-Гохон

Лончака оседлал Соплячок,
Взял он ивовый свой лучок
И отправился в Хул-Монгол.
Вдруг почувал: трясется дол.
Он увидел Алтан-Шагая:
Тот измучился, в небо кидая
Молот весом в сорок пудов,
Он устал от этих трудов,
А не мог поймать его снова —
Мимо падал многопудовый!

Подъезжает к брату Нюсата,
Вопрошает старшего брата:
«То ли битвы ждешь ты большой,
То ли малый предвидится бой?»
Слышит слово Алтан-Шагая:
«Не предвидится битва большая,
Не готовлюсь и к малой войне.
Надо силу испробовать мне:
Говорят, у хана Сажгая
Есть Урмай-Гохон, дочь-красавица.
К ней-то я порешил отправиться».

Распростился Нюсата с братом,
Поскакал по увалам-скатам.
Запестрела долина другая —
Он увидел Мунгэн-Шагая,
И седок удивился наш:
Тот обхватывал северный кряж,
Поднимал и ставил на юг.
Южный кряж обхватывал вдруг,
Поднимал и на север ставил.
Дело делал иль душу забавил?

Подъезжает к нему Нюсата,
Вопрошает среднего брата:
«Силу пробуешь плеч мужских,
Силу множишь ли пальца большого?»
Средний брат возглашает слово:
„Я не знаю, что мне пригодится,—
Мощь плеча или сила перста!
Есть у хана Сажгая девица,

Знаменита ее красота.
Я поеду к Урмай-Гохон,
Но проверить я должен сначала,
Впрямь ли мощью я наделен...“

Много, мало ли дней миновало,
Вот Нюсата-Нюргай с перевала
В третий дол спускается вскачь.
Там небесный глупец-силач
В поединке сошелся шумном
С исполином земным безумным.
Как покрепче соперники схватятся —
Опрокинут южную гору
И назад в смятенье попятятся!
Начинается тут сумятица,
И толкают они друг друга,
Валят черную гору юга —
На траву, на густые пески.
То сохатых у них натуга,
То бодаются, как быки!
Вопрошает, подъехав, Нюсата
У безумца и у глупца:
„Для того ль вы сошлись, два борца,
Чтобы все, что черно, уничтожить,
Или боретесь вы без конца,
Чтобы все, что бело, приумножить?“

– Убирайся-ка, тварь земная,
Прочь с дороги, молокосос!» —
Не ответили на вопрос
И прогнали, борьбу продолжая.

Дальше едет сопливый малец —
То дорогою ханской, торной,
То дорогой всеобщей, черной.
Издаля белый дворец
Перед ним засверкал наконец.
Он сверкал, небес достигая,
Этот звездный чертог Сажгая.
Верхних окон несметно число,
Солнце их своим светом зажгло,
В нижних окнах отражена,
Золотилась, светилась луна.

До дворцовых доехал врат
И увидел седок: аргамаки
Возле коновязи стоят.
Он увидел за рядом ряд
Возвышаются богатыри,

Поражая видом-величьем,
Толстой шеей и горлом бычьим,
Похваляясь деяньями смелыми,
Похваляясь колчанами-стрелами,
Восхваляя луки могучие,
Что сработала Бухара,
И налучники наилучшие,
Что из золота-серебра!

Неприметный, – такого от века
Не считают за человека,—
Отовсюду толпой зажатый,
Затерялся в народе Нюсата.
Вышли вестники, возглашая
Три условия хана Сажгая:
Тот получит Урмай-Гохон,
Кто, отвагою вдохновлен,
Победит – простой или знатный
В состязании троекратно.
Первый спор: взметнуть до небес
Молот – сорок пудов его вес,—
Так, чтоб он на ладонь вернулся,
Но при этом земли не коснулся.

Победили из многих – шесть,
Им досталась первая честь:
То Алтан-Шагай сильноплечий,
То Мунгэн-Шагай, грозный в сече,
То небесный воин-глупец,
То безумный земной боец,
То гордынею упоенный,
Криводушный Хара-Зутан
И Нюсата, племянник нойона.

Приступили к второму спору,
И заахали все вокруг:
Поднимают на севере гору,
Переносят ее на юг,
Поднимают южную гору,
И на север ее переносят,—
На пути при этом не сбросят!
Криводушный Хара-Зутан
Первым выбыл из этого спора:
Ослабел от натуги скоро!
Победителей вышло пять,
А награду некому дать:
Тот, кто третий спор переспорит,
Кто соперников переборет,
В дом владыки вступит как зять!

Кто добьется славы борца?
Тяжело состязанье такое!
Охватило волнение сердца,
Что всегда пребывали в покое.

Вот выходит Алтан-Шагай,
Брата среднего вызывая,
Вот схватились, песок взрывая,
Шум раздался: Мунгэн-Шагая
Бросил наземь Алтан-Шагай.
Начинается схватка вторая,—
И приходит ей скоро конец:
Был небесный силач-глупец
Побежден земным сумасшедшим,
Для награды сюда пришедшим.
Вот выходит новый борец,
В третью схватку смело вступая:
Обхватил Нюсата-малец,
Бросил наземь Алтан-Шагая.

Время схватки четвертой пришло.
Попирая прах тяжело,
С мощной грудью, с широкой спиной —
Выступает безумец земной.
Хан Сажгай слова произносит:
«Кто борца – безумца земного
Одолеет и наземь бросит,
Станет мне вместо сына родного,
Затем вступит в ханский дворец!»

Вышли двое: Нюсата-малец
И земной безумец борец,
То дерутся, как лоси рогатые,
То бодаются, как быки,
То как соколы реют пернатые,
То взмывают, как ястребки.
Им друг друга нравится мучить!
На верблюда обоих навьючить,—
Одинаковым будет их вес,
На коня посадить их вдвоем,
Перевеса ни в ком не найдем!

Верх берет над безумцем Нюсата,—
У врага, видно, сил маловато!
Бьется сердце, что серо-пестро,
Гнется маленькое ребро.
Как Нюсату назад оттолкнет,
Так на землю бессильно присядет,
Как потянет Нюсату вперед,—

Упадет, а с малым не сладит.
То, как войлок-кошма, свернется,
То, как старый потник, согнется,
То на травку ляжет, как тень,
То веревкой длинной завьется,
То растянется, как ремень!

Великан-безумец Нюсату
Хочет крепко схватить за кушак,
Не найдет местечка никак.
Хочет воин прижаться к скале —
Нет опоры ему на земле.
Крепче схватит – ему же хуже:
Нет возможности устоять,
А сожмет Нюсату потуже,—
Ослабев, отпустит опять.

Не слабеет Нюсата в боренье,
Не слабеет в тяжелой схватке.
Он безумца берет под колени,
Он безумца хватает за пятки,
Покрутив непомерного слева,
Он его о каждое древо
Ударяет в левой тайге,
А потом, покрутив его справа,
Силача безумного нрава
Он кидает к правой тайге.
Две тайги превратились в корчевья,
Повалились сухие деревья,
Подкосились сырые деревья,
Будто грозный лесоповал
Все растущее с прахом сравнял!
Гневом-яростью клокоча,
Мальшок того силача
В три вогнал подпочвенных слоя, —
Где безумца бахвальство былое?
В прах глубокий ушел он глухо,
Лишь два пальца торчат и два уха!

Этим делом обеспокоены,
Прибежали ханские воины,
Кто с лопатой, кто с копьем,
Говоря: «Если станет зятем
Этот малый с умом-понятьем,
То помощника в нем найдем!»
Поднатужились сообща
Да и выкопали с трудом
Сумасшедшего силача.

А Нюсата за руку правую
Взял девицу Урмай-Гохон,
И к тому, кто владел державою,
Подошел и промолвил он:
«Трижды я победил в состязанье,—
Подтвердите свое указанье!»
Но Сажгай отвратил свой взор,—
Не был он расположен к Нюсате:
О таком ли мечтал он зяте!
Он четвертый придумал спор:
«Тот, чей конь прибежит всех быстрее,
Станет мужем дочки моей!»

Выступает, к скачкам готовый,
Ханский конь, тонконогий, соловый:
Воин хана у всех на виду
Вывел резвого на поводу,
А скакун – словно быстрый плясун:
Давит воина хана скакун!
Скаковые кони готовятся
Мчаться-гнаться во весь опор.
С десяти побегут они гор,
Побегут – и не остановятся!

Вот сокрылись они вдалеке,
И тогда, с расстоянья трех дней,
Соплячок на худом лончаке
Догоняет отборных коней.
Позади половина дороги,—
Показался Хара-Зутана
Черноцветный конь быстроногий,
И летят, его обгоняя,
Конь соловый хана Сажгая,
Сына ханского конь буро-пегий,—
Состязаются в быстром беге —
Ухо в ухо и в гриву грива.
Трех коней обгоняет Сопливый,—
Показался конь Асабая,
Властелина полночного края,—
Обладатель копыт стальных.
Закричал Соплячок, потрясая
Семь пределов нижних земных,
Заорал малышок, сотрясая
Восемь верхних небесных держав,
Лончака его топот и ржанье
Облака привели в содроганье,
Обогнал он коня Асабая,
Черной пылью его обдавая,
Раньше всех вернулся назад!

А нойоны шумят-галдят:
«Кто пришел раньше всех? Непонятно!»
Возвратились кони обратно,
Им навстречу нойоны-ханы:
«В состязании кто победил?
Конь соловый? Пегий? Буланный?»
И от всадников слышат слово:
«Оседлав лончака худого,
Позже всех поскакал Нюсата,
Раньше всех прискакал Нюсата,
Победил сопливый малец,—
В том поклясться мы можем свято!»
Если так, то делу конец,
Наградить пора смельчака!
И Нюсата к царевне повел
Худосочного лончака,
Он к Урмай-Гохон подошел,
Посмотрел на красавицу сбоку,
Приласкал ее левую щеку,
Поцелуем потом обжег
Щеку правую Соплячок.

Устыдилась Урмай-Гохон,
Что целует ее безобразник,
Ей противным сделался он,
Ей и праздник теперь не в праздник,
И задумала в сердце зло,
Ей дурное на ум пришло.
У красавицы из очей
Слезы в две потекли струи,
И, бровевыми рукавами
Утирая слезы свои,
Дочь-царевна с такими словами
Обращается к хану Сажгаю:
«Счастья я никогда не узнаю,
Если там, на земле чужой,
Я Сопливу стану женой.
Я умру, – говорю заране,—
Коль отдашь меня этой дряни!»

Вверх посмотрит, горем объятая,—
Запоет, вниз посмотрит – заплачет.
Что же хан присудит-назначит?
Он условие ставит пятое:
«Драгоценный перстень девицы,
Ясноокой Урмай-Гохон,
Пусть наденут на луч денницы.
Будет зятем тот наречен,

Чья стрела, взлетев над землей,
Этот перстень пробьет золотой».

Все, чей палец большой могуч
И мощны широкие плечи,
Стали стрелы метать издалече,
Стали целиться в солнечный луч,
На который был перстень надет.
Но мешал им утренний свет,
В цель попасть им не удалось.
Натянув из ивы лучок,
Стал стрелу метать Соплячок, —
Прострелил он перстень насквозь!

Засияло лицо Нюсаты.
«Вот и спор я выиграл пятый!» —
Победитель сказал молодой.
Хан Сажгай на него с враждой
Посмотрел и весьма удивился:
На глазах Сопливый двоился!
То он юной сверкал красотой,
То своим поражал безобразьем,
То он падал, маленький, наземь,
То во весь исполинский рост
Он вставал, поднимаясь до звезд.

Хан Сажгай на него смотрит пристально:
Где же кривда его, где же истина?
То охватывал хана испуг,—
По спине его дрожь пробегала,
То в себя приходил он вдруг,
И, казалось, душа отдыхала.
В золотой он бьет барабан,
Северян собирает хан,
Он в серебряный бубен бьет,
Собирает южный народ.
С наступленьем светлого часа
На столах ставят горы мяса
И выносят напитков озера.
Пьют неспешно, едят нескоро.
Восемь дней пирование длится,
Девять дней страна веселится
И едва-едва отрезвляется:
Хорошо на свадьбе гуляется!

Вот и день наступил десятый,—
Хан услышал слово Нюсаты:
«Может лося берцовая кость
Уместиться в малом котле?»

Чужеземец, хотя бы и гость,
На чужой уживется ль земле?
Возвращусь я в края родные,
К той воде, что испил впервые.
Вашу дочь снарядите в путь!»

Хан вздыхает, не возражает:
Обещания не вернуть!
Он царевну в путь снаряжает.
Он выводит коня на тропу,
Он коня со звездой на лбу
Драгоценным седлает седлом.
Он сверкающий серебром
Разрисованный дарит колчан,
Дарит стрелы желтые хан
И бухарский лук золотой...
Так Нюсата помчался домой
Со второй прекрасной женой,
С ясноокой Урмай-Гохон.
Был доволен Саргал-нойон,
И утешил сынок Сэнгэлэна
Этой радостью вожденной.

Как Сопливец-Нюсата стал Абай-Гэсэром

Обладатель двух жен, ни с одной
Соплячок не ложился женой.
От вечерней поры, когда
В серый цвет одеваются листья,
До рассветной поры, когда
Темнота разрывается лисья,
Спал он в юрте, в дальнем углу,
В бычьей шкуре, на грубом полу.

Озадачены, поражены
Две его красивых жены:
«Если мы ему не нужны,
Для чего нас доводит до слез,
Для чего сюда нас привез
Этот оборотень-колдун?
Врозь проводим каждую ночь,
Мы на разных постелях спим.
А приятно ли спать в одиночку?
Для чего связались мы с ним?»

Сумрак падает за крыльцом.
Что Нюсату-Сопливца тревожит?

Только с матерью и отцом
Он в постель своих жен уложит,
Как из юрты выходит прочь,
Где-то бродит целую ночь.
Две красивых его жены
Были страшно поражены.
«Впрямь ли в юрте он спит в углу?
Что ни ночь встает и выходит
Он в таежную черную мглу,
Где-то бродит он, колобродит:
Может быть, во мраке лесном
Занимается колдовством?
Надо путь его проследить.
Как заснет, – привяжем к подолу
Шелковистую тонкую нить:
Только сумрак спустится к долу,
Мы неслышно за ним пойдем»,—
Две жены решили вдвоем,
Отвергая долю девичью.

Серый сумрак сошел с небес,
И под грубую шкуру бычью,
Чтоб заснуть, Нюсата залез.
Две красивых его жены,
Притворясь, что на разных постелях
В сновидения погружены,
Поднялись в непроглядной мгле,
Осторожно к его поле
Привязали нитку из шелка
И опять улеглись тихомолком.

А Нюсата-Нюргай огляделся,
Встал бесшумно, беззвучно оделся,
Вышел в лес под покровом ночным.
Две жены его – следом за ним,
Не уйдет муженек-хитрец:
Нитки шелковой держат конец!
Наступила полночи пора.

Перед ними – Сумбэр-гора.
Смотрят жены, а их супруг
Превратился в ястреба вдруг
И поднялся, как сумрак сер,
На вершину горы Сумбэр.

Две красивых его жены
Не могли достичь поднебесной
Той вершины, той вышины,—
Пред скалой остались отвесной

И застыли, изумлены
Дивным обликом, статью чудесной.
Что за свет нисходит с чела?
То ли гордая эта скала,
То ль из рода людей существо,—
Есть и губы и нос у него!
Кто бы в тайну его проник?
У него – темно-красный лик,
И просторна грудь и мощна,
И сильна, упруга спина,
И могуч затылок саженный.
Как лопаты – зубы во рту.
Кто поймет его глаз пестроту?
Кто постигнет сей облик священный?
Голова его – точно снег.
То не отпрыск земли – человек,
То властитель заоблачных стран,
То отец Эсэгэ-Малан!

Прилетел к нему ястреб Нюсата,
А при нем – белолобый баран:
Жертвой стать – его назначенье.
У владыки богов Нюсата
Стал просить за свое подношенье
Для похода – вооруженье
И коня для езды и войны.
Две красивых его жены
Поспешили вернуться назад,
По дороге скорбят-говорят:

«Наш супруг – волшебник великий,
Что пред ним земные владыки?
Он могущественный чародей,
Самый сильный он из людей!
Почему же он мучает нас,
Отвергает с нами сближенье,
Держит жен своих в небреженье!
Мы обмануты хитрецом,
Мы отринуты гордецом,
Ничего для мужа не значим!»
Возвратившись, предстали с плачем
Перед старым свекром-отцом.

Десять тысяч небесных богов,
Властилинов небесных лугов,
Запредельных просторов лесных,
Услыхали: Нюсата-Нюргай
Стал супругом двух женщин земных,
И его осудили строго:

«Средний сын могучего бога,
Славный отпрыск небесных царей,
Взял он в жены земных дочерей.
Стал добычей праха и скверны,
Ибо грех совершил беспримерный!»

Так сказав, небожители ввысь
К прародителю поднялись,
В горний край Эсэгэ-Малана.

А Нюсата, чья мощь несказанна,
На вершину горы Сумбэр
Белолобого поднял барана,
Чтобы в жертву его принести
Всем пятидесяти пяти
Небожителям – белым бурханам.
Пред самым Эсэгэ-Маланом,
Пред верховным небесным главой,
Он предстал с молитвой живой:
«Ты опора моя и охрана»,—
И принес ему в жертву барана.

И достиг всех небесных долин,
Всех нагорий и побережий
Запах мяса бараньего свежий.
Эсэгэ-Малан, властелин
Девяти небесных держав,
Запах мяса почуяв, узнав,
Вопросил: «Кто моление вознес,
Кто нам жертву-даренье принес?»

С высочайшей небесной тверди
Оглядел он земной предел,
На вершину горы посмотрел
И Нюсаты увидел усердые.
Красный сын, средний сын Хан-Хурмаса,
В дар принес ему свежее мясо
И вымаливал за приношенье
Для похода – вооруженье,
Скакуна для быстрой езды,
Для войны и для дел державных
Тридцать три воителя славных,
Триста опытных ратных вождей:
Всех богов, что его заставили,
Бросив небо, спасать людей,
Что на землю его отправили,—
Умолял, воззвав к доброте,
Богатырь Бухэ-Бэлигтэ.

Собрались в назначенный час
Эсэгэ-Малан, Хан-Хурмас,
Многознающие бурханы,
Чьи владенья – небесные страны,
Собрались поднебесные боги,—
Были солнца над ними чертоги,
А под ними был звездный свет.
Стали мудрый держать совет.

Порешили: Бухэ-Бэлигтэ,
Что на землю сошел с небосвода
Ради блага людского рода,
Чтобы землю спасти от беды,
Пусть получит коня для езды
И оружие – для похода.
Для войны и для дел державных —
Тридцать три воителя славных,
Триста ратных вождей – для побед.
В час, когда моление-обет
Возносил их отпрыск-потомок,
На горе Сумбэр средь потемок
Приношение жертвы свершал,—
Ветерок задышал-прибежал,
С небосвода спустился конь,
На лету высекая огонь.
Этот конь был гнедым Бэлыгэном.
Обладал он мощью костей
И хребтом тридцатисаженным.
Хвост его был в тридцать локтей,
Были уши его в три аршина,
Содрогалась под ним вершина,
И была у гнедого красива
В три воза шириною грива.

Счастлив был Нюсата, что снова
Увидал своего скакуна!
Он за повод поймал гнедого,
Он в серебряные стремяна,
Вспомнив прежние времена,
Ловко вдел могучие ноги,
Сел в седло, что сработали боги
Из якутского серебра.
Богатства настала пора!

Был Бэлыгэн несравненным конем:
Он взлетел на простор небесный —
Удержался всадник на нем.
Он в земные низринулся бездны —
Удержался всадник на нем.

Слышит всадник вопрос от коня:
«Ты какой обладаешь силой,
Что решил вскочить на меня?»
Молвил всадник: «Запомни, гнедой,
Обладаю силой такой:
Если б вдруг оказалась ручка
У великой тверди земной,
Я бы ручку эту рванул,
Я бы землю перевернул!
А теперь скажи мне слова,
Ты, исполненный хвастовства:
У тебя-то мощь какова?»

«Я умею бежать так скоро,
Что, пока три горсточка сора
Средь земного простора горят,
Я легко – туда и обратно —
Вкруг земли пробегу троекратно»,
Седоку ответил гнедой.
«Если так, мы должны с тобой,
Мой гнедой скакун, подружиться!»
Так сказав, ездок удалой
На гнедом помчался домой.
А гнедой Бэлыгэн, словно птица,
Между небом летел и землей,—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.